

1941-1945

75

años después: una mirada al pasado
лет спустя: глазами потомков

eug

© LOS AUTORES

© UNIVERSIDAD DE GRANADA

75 años después: una mirada al pasado. 75 лет спустя: глазами потомков / E. F. Quero Gervilla, N. Kressova
Iordanishvili, T. Gorozhankina (Eds.).

ISBN 978-84-338-6716-2

Edita: Editorial Universidad de Granada
Campus universitario de Cartuja. Granada

Diseño de la portada y maquetación: Tamara Gorozhankina

Cualquier forma de reproducción, distribución, comunicación pública o transformación de esta obra solo puede ser realizada con la autorización de sus titulares, salvo excepción prevista por la ley.

75 AÑOS DESPUÉS:
UNA MIRADA AL PASADO

75 ЛЕТ СПУСТЯ:
ГЛАЗАМИ ПОТОМКОВ

Quero Gervilla, E. F., Kressova Iordanishvili, N.,
Gorozhankina, T. (Eds.)

GRANADA
2020

75 AÑOS DESPUÉS: UNA MIRADA AL PASADO

75 ЛЕТ СПУСТЯ: ГЛАЗАМИ ПОТОМКОВ

CONTENIDO / СОДЕРЖАНИЕ

<i>Prólogo</i>	5
<i>К читателю</i>	6
I. Recuerdos y memorias / Книга памяти	
Дорога в воздух.....	9
Воспоминания из блокадного Ленинграда.....	13
Мои дедушки фронтовики.....	17
Мой дедушка Коля.....	18
Два деда. Отрывки из воспоминаний героев Великой Отечественной Войны.....	20
II. La Segunda Guerra Mundial en imágenes / BOB в рисунках	
III. Creaciones literarias / Литературное творчество	
75 лет.....	35
El relato del abuelo.....	36
Записка из дневника солдата.....	37
Diario de un soldado.....	38
Героев всегда будут помнить.....	40
La balada de Samara.....	42
Украденное детство.....	44
IV. Reflexiones e indagaciones / Размышления и изыскания	
Reflexiones de un español nacido en Alemania.....	49
Totalitarismo y democracia.....	50
Гренада, Гренада, моя vice versa Россия, Россия, Россия моя.....	52
Русские и испанцы – вместе в битве против фашистской Германии.....	54

La huella española en la Gran Guerra Patria.....	57
El «Cartel Rojo», una historia que habla a los hombres y mujeres de hoy.....	64
El exterminio de los triángulos rosas en la II Guerra Mundial.....	66
La mujer soviética en la Segunda Guerra Mundial a través del cine.....	68
Unos relatos alemanes sobre el nazismo: el caso de M. L. Kaschnitz.....	71
La II Guerra Mundial y Pompeya. Cuando lo eterno también desaparece.....	73
Los juicios de Núremberg: el nacimiento de la interpretación simultánea.....	75
La segunda Guerra Mundial y el derecho humanitario. Puntos de inflexión.....	77

Prólogo

Aquellos que participaron y vivieron la terrible experiencia de la guerra no quieren rememorarla. Muchos viven atormentados por los fantasmas del pasado y otros han hecho lo posible por recordar, con mucho sufrimiento, los momentos vividos para hacer partícipes de todo ello a sus nietos y a sus hijos, y que, de esta forma, los horrores vividos no caigan en el olvido; aunque posiblemente hubieran preferido olvidarlo todo para evitar que se prolongue ese sufrimiento.

Nosotros, las nuevas generaciones, como herederos indirectos de ese horror, tenemos la obligación moral de no olvidar lo ocurrido, para que esa pesadilla no se repita. Si actualmente podemos disfrutar de una vida en paz y libertad es gracias a que nuestros ancestros dieron su vida en una lucha encarnizada hace ahora 75 años.

Para ello es imprescindible desvelar la verdad con toda su crudeza. Tenemos que conocer de primera mano la historia de aquellos que lucharon denodadamente por defendernos a todos nosotros. En Rusia el 9 de mayo es precisamente eso, un acto conmemorativo de una gran victoria en el que testigos e investigadores rememoran lo acontecido y nosotros, emocionados, leemos y recitamos a poetas y escritores que reflejaron la calamidad de la guerra.

En España, debido a la neutralidad mantenida durante la Segunda Guerra Mundial, el recuerdo de la guerra pervive a la sombra de una terrible Guerra Civil que destruyó el país entre los años 1936 y 1939. Quizás por ello, una obra como la presente, que aviva el recuerdo de una guerra que azotó de forma despiadada a media humanidad, adquiera más importancia si cabe en nuestro país.

Con este libro queremos llegar a todos y cada uno de los pueblos que vivieron esta tragedia, y a las nuevas generaciones que de forma directa o indirecta la sufrieron. En estas páginas, el lector podrá disfrutar de historias sobrecogedoras de testigos directos de la guerra, poemas e historias de la Segunda Guerra Mundial, dibujos de niños y adultos, y reflexiones de la más diversa índole en ruso y en español.

Estamos seguros de que vamos a disfrutar con la lectura de esta obra, en la que cada uno de nosotros hallará esa palabra, esa imagen o ese momento que nos llegará al corazón y nos obligará a reflexionar. Si es así, el objetivo que nos propusimos cuando nos embarcamos en este proyecto estará conseguido.

Editores

*Enrique F. Quero Gervilla, Nina Kressova Iordanishvili,
Tamara Gorozhankina*

К читателю

Те, кто жили в 1939-1945 годах, не очень любили вспоминать вслух о том страшном времени. Кого-то мучали кошмары, кто-то не мог справиться с гнетущими эпизодами, вспыхивающими в сознании в ночные часы, а кто-то, через страдание, писал, рисовал или рассказывал истории из пережитого своим детям и внукам. Для них естественным было желание избавиться от воспоминаний, продолжающих причинять им боль.

Мы, живущие в 2020 году, 75 лет после окончания Великой Отечественной войны, напротив, обязаны помнить. Помнить затем, чтобы этот кошмар никогда не повторился, ведь своей мирной жизнью мы отдаем дань тем, кто боролся за нее в страшные сороковые.

Но для того, чтобы помнить, мы должны знать. Знать, как это было на самом деле. Знать в лицо тех, кто выстоял и отстоял свою землю, защитил свой народ и своих близких. Поэтому мы празднуем 9 мая каждый год, приглашаем очевидцев и исследователей, читаем и декламируем военных писателей и поэтов.

В Испании, которая официально хранила нейтралитет в международном конфликте 1939-1945 годов, память о нем, как правило, бледнеет перед ужасами Гражданской войны, разорившей страну в 1936-1939 годах. Тем важнее для нас говорить в полной голос об этой второй войне, стянувшей узким кольцом оба полушария.

Эта книга предназначена всем: коренным испанцам, русским, белорусам и украинцам, проживающим здесь, а также их детям, которые родились на этой земле. Под ее обложкой читатель найдет потрясающие рассказы очевидцев, стихотворения и прозу, посвященные Великой Отечественной войне, рисунки взрослых и детей, размышления и научные изыскания, написанные на русском и испанском языках.

Пожалуй, это не та книга, которую нужно читать от первой до последней страницы. Однако каждый из нас может найти здесь то слово, тот образ или ту мысль, которые отзовутся в нашем сердце и заставят нас задуматься. И когда это произойдет, цель этой книги будет достигнута.

*От редакторов
Э. Ф. Киро Хервилья, Н. А. Кресовой,
Т. Н. Горожанкиной*

Recuerdos y memorias

Книга памяти

Дорога в воздух.

Воспоминания фронтового летчика¹

Никита Николаевич Корнев (1915 - 1998)²

Москва, Россия

О Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов написано много. Кроме широко известной художественной литературы, созданной маститыми, живущими сегодня и ушедшими из жизни писателями, издана научная, познавательная и много-томная историческая. И много еще будет написано на эту необъятную тему. Она не иссякает, потому что жизнь каждого Участника тоже есть книга, но только еще не написанная. Я не буду описывать годы Войны и мое участие в ней. С начала и до конца, все это страшное время, я не ходил в атаку и не стрелял по врагу. Стреляли по мне. Я летал. летал на невооруженном У-2. Потом на С-2 – тот самолет, но вариант санитарный, двухместный. Летали мы ежедневно, с утра и до вечера. На войне выходных не бывает.

Летали на фронт, на фронтовые площадки вблизи передовой. Вдоль линии фронта. За линию фронта. Правда, последние лишь ночью. Везли: туда – фельдшерей, офицеров связи, боеприпасы. Оттуда почти всегда раненых. Поначалу в нас палили и немцы и наши. Правда, к концу первого года, наши научились распознавать свои самолеты. В 1942 году я стал летать на самолете ПР-5, тот же П-5 но с четырехместной, закрытой кабиной, а в последний год летал на ЩЕ-2 – легкий транспортный самолет с двумя моторами, такими же, как установлены на самолете У-2.

Все это легкие самолеты никакого вооружения не имели. Только у летчиков были свои пистолеты. Спасаться от вражеских истребителей мы могли только маневром, и только на бреющем полете на малых высотах. Летали мы вблизи фронта на вы-

¹ Орывки из книги воспоминаний летчика Н.Н. Корнева «Дорога в воздух» (1998) предоставлены его внучками Юлией Борисовной Шахориной (Москва), Татьяной Борисовной Воскресенской (Москва) и Ольгой Борисовной Корневой (Севилья).

² Летчик Медицинско-Санитарного батальона, награжден Орденом Красной звезды, участник Великой Отечественной Войны, затем летчик гражданской авиации РФ.

сотах от пяти до двадцати пяти метров. Так меньше шансов, что подстрелят с земли. Появляешься внезапно и быстро, и тут же уходишь, внизу не успевают прицелиться и выстрелить, а пока разберутся – ты уже далеко и у самой земли. Так и научились спасаться. Так и летали. Оттого и потерь в санитарных и связных подразделениях фронта было гораздо меньше, чем в боевых частях у истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков.

А ведь у немцев, по истребительской авиации, приказ даже был – если увидит внизу связной или санитарный У-2, отрываться даже от боя и сбивать его. Знали они, что мы и генералов возим, и документы оперативные. Ну а сбить меня истребителю тоже непросто. У «Мессершмидта» скорость за триста, а у меня только сто километров в час. Но быстрота маневрирования на моей стороне. Пока он там развернется для атаки, да собирается прицеливаться, я уже в сторону успел отвернуть и он пронесется мимо. А то я еще по оврагам лечу или вокруг заводской трубы выражу – тут поймать юркий У-2 в прицел вообще он не может. (...) Только бы незаметно он сзади не подобрался... тут уж умей головой крутить во время полета.

Когда я вспоминаю это фронтовые полеты, до сих пор удивляюсь, как мы умудрялись тогда, в полетах, на высоте не выше двадцатипяти метров, на открытом, вертикальном У-2, следовать рельефу местности, видеть все вокруг, наблюдать за воздухом, закуривать папиросу от спички, а ведь в кабине дикое завихрение, и еще безошибочно ориентироваться по карте, для чего планшет держишь левой рукой, прижимая его к козырьку и, не меняя положение головы, перебрасываешь взгляд с местности на карту. Этому нас никто не учил. Опыт пришел здесь. (...)

Но вернемся немного обратно. Вот воскресенье, 22 июня 1941 года. В шесть тридцать утра, я должен взлетать на своем П-5 на высоту с наблюдателем метеорологом. Все готово к полету. Но при ясной погоде, по звонку из Центральной Диспетчерской Службы полет вдруг запрещен. И не только мой – были отменены все вылеты. Только два полета по «санитарному заданию – воздушная скорая помощь» - были разрешены. Несколько техников и две женщины метеорологов лишь были в это раннее утро в отряде. Странная, непривычная тишина и тревожное чувство длилось не долго. Через полчаса мы все узнали. А вскоре, несмотря на выходной, почти весь личный состав отряда, собрался на воздухе, у вынесенного репродуктора. Состоялся импровизированный митинг. Так началась для меня эта Великая Война, в первое

время еще не названная Отечественной. Это было сражение за само существование нашей страны, ее строя, ее государства против нашествия гитлеровских армий. Против фашизма.

Около двух недель у нас, в аэропорте Быково, шло переоборудование самолетов У-2 в С-2, санитарный вариант, в котором вместо задней кабины устраивалось место для двух лежащих раненых с носилками. Все полеты, кроме санитарных вылетов, были отменены. (...)

И вот, еще в светлое время, с запада, на высоте так, около тысячи метров, появился одинокий двухмоторный самолет. Медленно, с небольшим креном, разворачиваясь над Смоленском, а затем над нами, он, как чувствовалось, внимательно рассматривал все внизу и, по-видимому, фотографировал. Как только появился разведчик, еще до подхода, с северного аэродрома вылетел истребитель И-16, известный, но уже по скорости и вооружению, устаревший. Пока он набирал высоту и пошел на сближение, разведчик развернулся на запад и стал уходить. Но было заметно – истребителю его уже не догнать. Ненадолго хватило авиационного «банка», легкого трепя на профессиональную тему, все изрядно устали за этот наш первый прифронтовой день от всех впечатлений. Все стали разбредаться по своим самолетам, вернее, под свои самолеты, и на моторных чехлах, не раздеваясь, стали затихать. Только часовые, из наших техников, с выданными им винтовками, еще долго прохаживались меж самолетов.

Тихо. Над нами мирное, темное небо. Давно улетел разведчик. Не хочется верить, что где-то война, стрельба, ранения, смерть, разрушения, горе. И вдруг, все отчетливо услышали отдаленный гул артиллерийской канонады. Услышали этот звук впервые в жизни, но сразу поняли, что это такое. Это было похоже на непрерывный гром отдаленной грозы.

Много мыслей возникло у меня в этот вечер. Не верил я, что мы можем проиграть эту войну. Не было такого в истории России. Не проигрывали мы войны на своей территории. И еще подумал я, что вполне могу на этой войне погибнуть или остаться калекой. А вот в плен попадаться мне никак уж нельзя. Лучше погибнуть. В конце концов тяжелый сон сморил всех.

(...) Знание немецкого языка у меня было весьма своеобразное. Еще из школы я помнил, как посчитать до десяти, сказать «доброе утро, добрый день, добрый вечер, спасибо и очень хорошо». А в первые дни полетов на фронте кто-то нас научил, и мы, со страху, выучили фразу, которую я до сих пор помню: «Schiess nicht, ich will leben, ich russich Fliger Sanitars!». Перевод гласил: «Не стреляйте! Я хочу жить. Я русский санитарный летчик!». В те первые дни думали, что попав с самолетом на территорию противника, стоит произнести эти слова, и благополучие в плену будет обеспечено. На этом мои знания немецкого заканчивались.

(...) Сколько раз впоследствии, мне приходилось летать в «горячие» места на фронтах и вдруг, где-то неподалеку, попасть в мертвую тишину. Это всегда было страшно, и удивительно непривычно. Нет выстрелов, нет ничего, кроме нетронутой, мирной природы. Не верится, что где-то вблизи стонут тяжело раненые. Готовые к бою, лежат,

стоят, ходят люди. Страшная, грозная техника, замаскированная капонирами, сетками, ветками, лесом, в готовности номер один. Кто-то из них будет убит, кто-то останется навсегда инвалидом. Удивительная человеческая память. Много лет прошло с тех пор, а помнится все так живо.

Почти тридцать лет спустя, как-то сидя за штурвалом, нет не за штурвалом, а перед ним, так как я включил автопилот, и мои руки спокойно лежали на подлокотниках пилотского кресла, я вспоминал один ночной полет из Демьянска. Я летел тоже ночью, но на высоте десять тысяч метров над забайкальской тайгой. Подо мной была равнина облаков, а сверху **СОВЕРШЕННО БЕЗОПАСНОЕ, ЧИСТОЕ НЕБО.**

Где-то справа, внизу, извивался Амур. Чита только что передала наше место. Мы идет точно. Штурман уточняет минуты подхода очередного ориентира. Путевая скорость девятьсот пятьдесят километров в час. Второй пилот рассчитывает загрузку. В кабине полумрак. Только светятся десятки приборов. В ровном гуле двигателей тысячи лошадиных сил. У меня на борту около ста пассажиров. Это наш ТУ-104, и он подчиняется мне, моей воле, моим рукам, так же, как когда-то мой маленький стосильный С-2. Все познается человеком в сравнении. Мой экипаж молодой. Никто из них не воевал. Но они уже коммунисты. Никто из них не слышал великого клича: «Коммунисты вперед!» и все, как один, они шли, бежали, летели. И за этим великим примером шли остальные. Умирали за победу и сегодняшний мир.

Пойдут ли эти, мои друзья, мой экипаж? Да, пойдут! Все, как один. Но я не хочу этого. **ЭТОГО** нам не надо. Человек рождается, чтобы жить. И жить в мире.

Как прекрасно летать в мирном небе, над мирной отчизной!

Воспоминания из блокадного Ленинграда

Валентина Руденко

Санкт-Петербург, Россия – Гранада, Испания

Я родилась в ноябре 1940 года в Ленинграде (сейчас Санкт-Петербург). В семье было 5 человек: отец, работавший на заводе, мать, которая была детским врачом, и трое детей. 22 июня 1941 года началась война. Отца быстро призвали в армию, и мама осталась одна с тремя детьми. Моему старшему брату было шесть с половиной лет, сестре четыре с половиной года, а мне семь месяцев. У моей матери была довольно трудная молодость, выпавшая на двадцатые и тридцатые годы, где были голод, холод и разные невзгоды, так что мама оказалась предусмотрительной и сразу же стала заготавливать запасы. По мере своих материальных возможностей она покупала продукты впрок, ездила после работы на окраину города в район Средней Рогатки (сейчас Московский проспект) на колхозные поля, где уже был собран урожай, но оставались какие-то неубранные овощи: картофель, капуста. Так, мама засолила бочонок капусты, который потом нас очень спасал.

Блокада и регулярные обстрелы начались в начале августа, а уже в начале сентября Ленинград был полностью окружен фашистскими войсками. Одна из первых крупных бомбардировок произошла в начале сентября, было сброшено огромное количество зажигательных и фугасных авиабомб. Было много пожаров, разрушено много жилых домов. Многие женщины и дети, что постарше, ходили на чердаки дежурить. Они собирали сброшенные с самолетов зажигательные бомбы и втыкали их в песок, чтобы те не загорались. В нашем городе было много подвалов, которые раньше использовались как склады. Все они были быстро очищены и приспособлены для бомбоубежищ. По радио, а тогда у всех были именно радио-динамики в виде черного круга диаметром примерно 25-30 см, предупреждали о «воздушной тревоге». Остальные приборы связи, как приёмники и передатчики, были конфискованы у населения в целях безопасности, хотя из-за общей бедности они редко у кого были.

Началась паника, люди скупали продовольствие, спички, соль, мыло, керосин. Но, самое страшное было впереди, когда разбомбили Бадаевские склады, где сгорели большие запасы продовольствия для города, возместить которые было уже невозможно. Все жители после объявления воздушной тревоги спешили в бомбоубежища. Инструкцией было рекомендовано брать с собой документы, деньги, карточки, противогазы, которые выдавались всем, воду и питание на сутки. Обычно мама не ходила с нами в бомбоубежище, потому что надо было ждать с карточками в магазине, когда привезут хлеб или работать, а работала она по нашему большому дому вместе с дворником, милиционером и она как врач. Они обходили квартиры, смотрели, нет ли заразных больных или умерших, чтобы своевременно их вывезти. А мы спускались вниз. Я еще не ходила, так как голод не давал мне развиваться. Брат брал меня на руки, а сестренку за руку, и так мы шли в бомбоубежище. Однажды, когда мы были там,

какой-то мужик вдруг схватил меня и бросился к выходу. Брат испуганно закричал и женщины отбили меня, иначе я могла бы пойти на мыло или на мясо для продажи. Другие нелюди ходили по квартирам и отбирали красивые вещи, продукты. Да, были и такие, хотя большинство людей наоборот помогали друг другу.

После этого случая мама решила, что нам лучше оставаться в квартире, но требовала, чтобы при бомбежке мы открывали рот и затыкали уши, чтобы не лопнули барабанные перепонки. Однажды снаряд попал в дом, что находился напротив нашего. Мама в это время стояла в очереди в магазине за углом. Пришла женщина и сказала, что разбомбили дом, указав именно на наш дом. Представляете, что пережила моя мама! Но когда она завернула за угол и увидела, что это не её дом, у нее отказали ноги. Когда она все же дошла до нас, то брат и сестра были в порядке, а я сидела оглохшая и смотрела остановившимся взглядом на окно. У меня была небольшая контузия. Я и сейчас помню, как оседал тот дом напротив.

Моя мама была очень сильным по характеру человеком, и я почти не видела ее слез. Она рассказывала, что впервые расплакалась, когда увидела на улице во время бомбежки, как бежала женщина с ребенком, прижимая его к груди, а у ребенка не было головы. Ее оторвало снарядом, но женщина это не заметила. Потом мама плакала, когда дома делила хлеб, а давали всего по 125 граммов, и одна крошка упала, а мои брат с сестрой бросились на пол её искать.

Я уже говорила, что мама сделала заготовки овощей, которые мы ели, но я была еще очень мала, мне не было и года, и мой организм не выдержал, «сорвался». Врачи поставили диагноз «токсическая диспепсия». В больницу меня взять отказались: нечем кормить и нечем лечить. Тогда моя мама стала сама меня лечить, делая мне переливания крови. Брала кровь у себя из вены и вливала мне внутримышечно. Хорошо, что она была врач, этим она спасла мне жизнь.

Но продукты постепенно закончились, а на паек хлеба в 125 грамм не прожить. Люди разваривали кожаные ремни, столярный клей, который в то время изготавливался на натуральных продуктах-отходах. Но и это быстро закончилось. Мама уже была вся опухшая, носа почти не было видно, и вдруг неожиданно пришел мой отец, который служил как раз на линии обороны, там, где мама когда-то собирала остатки овощей. Он принес целое пожарное ведро крови лошади, которую убило осколком снаряда. Тушу отнесли на кухню для солдат, а кровь собрал отец, подставив ведро, и принес нам. Ему, конечно, было нелегко. Хоть и не голодал так, как мы, но силы тоже были малыми, а путь большой, да еще с таким грузом. Эта кровь, которую мама жарила на сковородке и говорила, что это кровяная колбаса, всех нас спасла. А я долго помнила про эту «колбасу» и казалось, что ничего вкуснее ее на свете не бывает.

Морозы в тот год были сильные, 25-28 градусов, но отопления не было, а потом и водопровод перестал работать, потому что замерз. За водой ходили с ведром и санками на Неву, хотя сил не было, и многие не доходили, оставались там навсегда. Отапливали комнату печками-буржуйками, как их тогда называли. Это круглая небольшая печь с выводом дыма на улицу через форточку окна. На ней готовили, ей и

обогревались. Приходилось ломать мебель, чтобы согреться. Сломали все, что было возможно из своей мебели, а также все ходили по комнатам соседей, которых уже не было в живых, и ломали их мебель. Надо было выжить.

Голод и ужасы войны иногда омрачали рассудок блокадных жителей. Помню, как однажды, уже в мирное время, мы с мамой шли по нашей улице и встретили женщину, которая поздоровалась с нами и как-то странно, пронзительно на меня посмотрела, от чего мне почему-то стало неловко. Когда мы отошли, мама рассказала, что эта женщина съела своих детей. При обходе квартир они с милиционером и дворником зашли к ней и увидели, что эта женщина стоит с безумными глазами и говорит, чтобы они тише разговаривали, потому что её маленькие дети (сын и дочка) спят. При этом она показывала в угол, а там были обглоданные сваренные кости. Как позже узнала мама, ее забрали в сумасшедший дом, и все думали, что она оттуда уже не вернется. И вдруг мы её встречаем на улице, и она сообщает маме, что её дети погибли. Вероятно, она поверила в это.

Так мы прожили до апреля 1942 года, а потом нас всех вместе эвакуировали. Хотя вначале блокады маме предлагали эвакуировать брата и сестру, но она отказалась, сказала, что лучше мы умрем все вместе. И, как оказалось, была права. Тот поезд, на котором они должны были уехать, разбомбили, и все погибли.

С середины сентября 1941 года начала работать знаменитая «Дорога жизни», которая снабжала население продуктами сначала самолетами и водным путем, а затем, когда озеро замерзло, возили машинами по льду Ладожского озера. Ладожское озеро было свободно от врагов, но самолеты, баржи и машины периодически обстреливались, так что баржи с продовольствием часто уходили на дно озера. Такое обеспечение, конечно, было недостаточным для большого голодного города, ополченцев и солдат. Вот и приходилось голодным, замерзшим жителям стоять иногда невыносимо долго, ждать привоза хлеба, в который позже стали добавлять опилки. Когда толщина льда стала достаточной, начали вывозить людей на машинах по льду до деревни Кобона (деревня упоминалась еще в 1500 годах и называлась в некоторых документах Кабона). Машины довозили эвакуированных, а обратно возвращались в Ленинград с продуктами. Очень много погибло там людей, потому что фашистские самолеты обстреливали машины, и когда попадали, то машины с людьми или продуктами проваливались под толщу льда.

По «дороге жизни» до Кобоны нас довезли удачно, а дальше надо было успеть сесть на поезд, который стоял у перрона несколько минут. Но моя мама с тремя детьми никак не могла сесть, потому что все бросались к вагонам, была толчея, а поезд уходил быстро, опасаясь обстрелов. Боясь, что кто-то из нас останется, мама три дня не могла сесть на поезд. Но, как оказалось, за ней наблюдал один солдат, который сидел в окопе недалеко. Он подошел и спросил: «Ну что, старуха, не можешь сесть? Давай помогу». А этой «старухе» было всего 32 года. Когда подошел очередной поезд, солдат схватил меня, наши пожитки, и все побросал в вагон теплушки, так называли товарные вагоны, которые специально утепляли для перевозки большого количества людей. Когда поезд отъехал, стали разбирать тюки, среди которых были маленькие дети. Первый ребенок

оказался мертвым, задохнулся, другой тоже что-то сломал, а когда вытащили меня, у мамы сердце от страха выпрыгивало, но оказалось, что все нормально, я была даже раскрасневшаяся от тепла. Так мне опять повезло.

Следующее испытание произошло ночью. Опять стали бомбить поезд и велели всем выскочить из него и бежать на вокзал, куда мы успели подъехать. Все так и сделали, а мама не смогла из-за меня туда бежать, и мы спрятались в каком-то сарае рядом. Оказалось, что это было наше спасение, потому что поезд и вокзал разбомбили, и почти все люди погибли. Мы выжили, но все наши вещи и продукты были потеряны. Поезд этот убрали, и нас посадили на другой. Нас кормили, но вещей у нас не было. Только в чем остались.

Так с трудностями мы доехали до пункта назначения – Казахстан, Кызыл-Орда. Там тоже были свои трудности, потому что там люди жили кланами, в своих домах, а мы были чужими. Помогло опять то, что мама была врачом. Ей приходилось лечить взрослых, детей и лошадей. Денег она не брала, их было негде тратить, а брала продуктами. Однажды нас пригласил к себе на обед её пациент, за то, что она вылечила его сына. Конечно, мама с удовольствием согласилась, чтобы вдоволь наесться горячего плова, тем более, что пригласили с детьми. Но оказалось, что они все там едят из одного чана, да еще руками, которые редко мылись, а болезней у них было много, в том числе и сифилис. Для нас это было неприемлемым. Думали, придется уходить ни с чем. Но хозяин нашел нам что-то наподобие ложек.

Так продолжалась наша жизнь, пока не приехала государственная комиссия. Как рассказывала мама, они были возмущены её одеждой: главный врач больницы, а ходит, завернувшись в простыню. Но когда они узнали ее обстоятельства, то маме начислили зарплату, и нас стали снабжать продуктами. Так мы наконец-то зажили по-человечески. Вернулись мы в Ленинград по вызову отца в 1945 году. Наш дом был разрушен, и нам предложили 2 комнаты в другом доме, рядом. В этих комнатах раньше жил музыкант, но он погиб и нам достались его вещи: большой рояль, старые книги и гравюры. Как было радостно, когда вернулся отец, стал играть на рояле, а я танцевала. Хорошо помню салют победы. Мы пришли к зданию Биржи и стояли у колонн, а стреляли с Петропавловской крепости. Когда начался салют, из здания Биржи вылетели стекла. Но мы так радовались, так орали, что решили, что это они тоже от радости разлетелись. Как показали архивы Германии, Гитлер хотел стереть Ленинград с лица земли. Как прекрасно, что наш любимый город уцелел и почти все его красоты были восстановлены. Пусть они будут вечно радовать людей!

Мои дедушки фронтовики

Надя Зубова

Гранада, Испания

Г. П. Зубов (1911-1942)

М. П. Зубов (1912-1983)

Мои дедушки родились и выросли далеко в Сибири – городе Томске. Они оба закончили горный техникум и были направлены работать на золотодобывающие предприятия стратегического назначения. Имея Государственную сталинскую бронь – это значит, что их не могли забрать на войну, они все же уехали на фронт офицерами.

Зубов Григорий Петрович был командиром батареи артиллеристов и погиб в боях за оборону Москвы в 1942 году.

Зубов Михаил Петрович прошел всю войну в полевой разведке, был награжден орденом Красной Звезды и другими боевыми наградами. Участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда и был награжден Медалью за Оборону Ленинграда. Он дошел до Германии, где был тяжело ранен.

Дедушка вернулся в родной город и много лет проработал в металлургической промышленности, имел трудовые награды. Умер он в 1983 году.

Светлая память моим дедушкам и всем тем, кто на фронте и в тылу отстоял независимость нашей Родины и спас мир от фашизма!

Мой дедушка Коля

Маша Зубова

Гранада, Испания

Мой дедушка по папиной линии, Но-райр Гарегинович Торлакян 1917 года рождения, был советским разведчиком во время войны и после её окончания. Я могу рассказать лишь об одном из эпизодов его работы, так как большинство документов об операциях с его участием остается под грифом «Совершенно секретно».

Во время крымской конференции, проходившей 4-11 февраля 1945 года, немецкое командование планировало одним ударом покончить с Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным.

После освобождения Симферополя от немецких войск в Управление разведки Красной Армии пришли Торлакян и еще один солдат и заявили, что перед отступлением из Симферополя немецких войск они

были оставлены германской разведкой для вражеской работы в тылу Красной Армии. Кроме них немцы оставили еще четыре человека.

В целях дезинформации противника наша разведка перевербовала радистов Оганесяна и Торлакяна и начала радиоигру с противником. Всего за время работы противнику передано по обеим радиостанциям 40 дезинформационных радиogramм. Тексты радиogramм утверждались начальником Разведывательного управления Генштаба Красной Армии генерал-полковником Кузнецовым.

Через некоторое время из Германии группе Торлакяна было дано указание перебазироваться в Крым и ежедневно сообщать о погодных условиях с предельной точностью и по часам.

Решение было выбрано самое простое и эффективное: сообщать немцам, что в Крыму низкая облачность и безостановочно идет снег. Немцы не стали рисковать. Бомбардировщики остались на аэродромах. А над Крымом светило солнце и все прошло по плану.

Летом 1945 года правительство США и Великобритании наградило высокими правительственными наградами советские спецслужбы, которые не дали осуществить-

ся немецкому плану покушения на «Большую тройку».

По окончании войны мой дедушка еще долгое время оставался действующим двойным агентом. Его жизнь ежедневно была подвержена опасности, так как он вел обычный образ жизни советского человека, ходил на работу и имел семью.

Я горжусь своим дедушкой, и мне жаль, что он не дожил до моего рождения и не успел мне многого рассказать и многому меня научить. А ведь у такого ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА своей страны было чему поучиться.

Два деда. Отрывки из воспоминаний героев Великой Отечественной Войны

Анастасия Селиверстова
Гранада, Испания

ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ

Мой дед Геннадий Иванович Яковлев служил во 2-ой ударной армии, основная часть которой навсегда осталась в Мясном Бору. Он родился 25 сентября 1923 года в Донецке. Участник боев с 1941 г. Командир отделения 2-го Коммунистического батальона 22-й бригады 4-го Гвардейского стрелкового корпуса 2-ой Ударной армии. Участник Любанской операции в битве за Ленинград. В боях был ранен, инвалид войны. Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны I-ой степени, многими медалями. После войны работал учителем биологии.

С Любанской операцией, в которой дед принимал участие, и с выходом из окружения связаны самые страшные воспоминания его жизни. Сохранились его черновики и воспоминания. «Не приведи Бог пережить такое никому крещеному!» - говорил он. Дед до конца жизни вспоминал своих боевых товарищей, которые

не вернулись. Они навсегда остались в его памяти, в его очерках и воспоминаниях о войне.

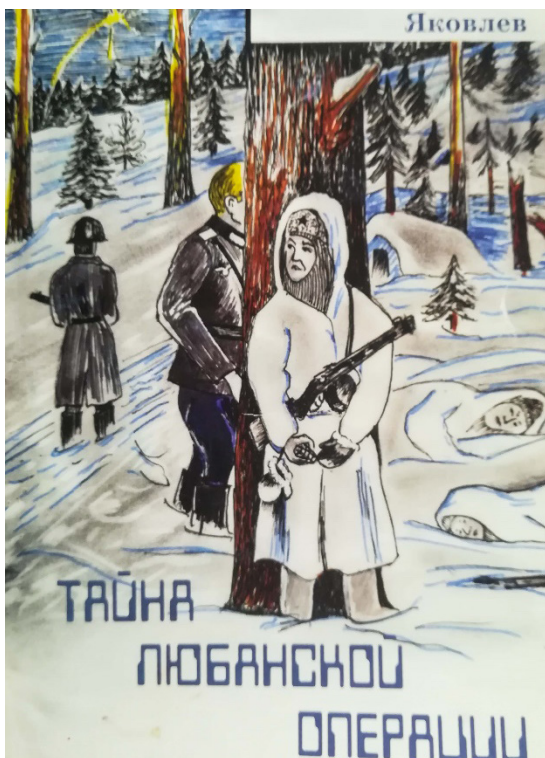
« - Разве можно забыть своих боевых друзей? Я, например, никогда не забываю своих ребят даже во сне. Вижу, как Дотя Клейман рассказывает анекдоты про евреев, хотя сам - еврей. Это был любимец роты, комсорт. Вижу Михаила Михайловича Жукова из Днепропетровска, солиста шахтерского ансамбля песни и пляски, которым руководил Зиновий Дунаевский. А Сашу Чумакова? Разве можно забыть такого человека, который спас твою жизнь? А Николай Бербеницкий? Тот огромной ложкой уплетал мед из кринки... Виктор Ушаков, сибиряк... так и уснул с винтовкой в обнимку навеки. Хороший был боец, часто о матери думал, рассказывал, какая она у него хорошая, ласковая, добрая, деньги давала в кино. Жил он без отца. Тоже хлебнул горя в детстве.

Так и остался под развесистой сосной на самом берегу Волхова. У нас был очень хороший ротный командир Антипин, старший лейтенант. Всегда берег жизнь бойцов, да сам не уберется. А после его гибели я стал командовать ротой. Политруком был шахтер Тарасов. Преданный делу человек. Пуля сразила его в атаке. Мы верили и доверяли друг другу, иначе на войне просто невозможно быть наполовину другом. Или ты - друг, или ты - враг! Третьего не дано.»

«...Любанская операция началась в первой декаде января 1942 года. Помню: ночью мы подошли к селению Мостки.

На небе ярко светит луна. А кругом стоит тишина, будто все вымерло. Никакой стрельбы ни с нашей стороны, ни со стороны противника. И только утром, когда на востоке заалел край неба, появились, как коршуны, немецкие самолеты. А вскоре застучали пулеметы и автоматы, завязался бой. Но странное дело! Фашисты особо не наседали, давали возможность углубиться в их оборону. Возможно, они знали о готовящейся операции и не хотели нас отпугнуть, чтобы мы не повернули назад. А дня через три-четыре, когда мы вышли к полотну железной дороги, а затем на открытое место, вдруг появились фашисты и открыли ураганный огонь. Бой был очень жарким, но фактор внезапности сыграл свою роль: от батальона осталась едва ли половина. Из роты около двухсот человек осталось только четверо....

Дед много рассказывал о тяжелых условиях, в которых им приходилось воевать:

«...А сколько умерло от голода? Сколько замерзло? А какую потерю понесла армия от сухарных поносов? У меня, например, был овчинный полушубок, как и у каждого командира взвода, а у красноармейцев – шинелька! Она же и одеяло, она же и постель. А мороз сорок градусов! Во рту ни крошки! Патронов нет! Наши самолеты сбросят боеприпасы, продовольствие, а парашюты воздушные течениям отнесет к фашистам. А артиллеристам снаряды выдавали поштучно! Нет, мы не были готовы к такому походу, и чтобы не говорили теперь – я глубоко убежден, что этот неподготовленный поход имел одну, с точки зрения стратегии, задачу: отвлечь любой ценой силы

неприятеля от подготовки к штурму города. И это нашему командованию удалось. Другой вопрос: КАКОЙ ЦЕНОЙ?

Под шинелькой тоненькая фуфаячка на 'рыбьем меху', были валенки, рукавицы, шапки-ушанки, подшлемник. Все это было! И теплое белье было. Но местность-то болотистая, снегу по пояс. Снаряды, мины побьют лед, а масса снега отдавит лед, вода куда? Под снег. Идешь, а снег кругом ровный, белый, местами ржавый от крови, идешь и не чувствуешь, что под снегом вода. И это при сорокаградусном морозе! Оказывается, под глубоким слоем снега вода не замерзает, а где обувь сушить? Бывало, воронку от бомбы затащит тоненьким ледком, запорошит снегом, а ты наступил на ледок-то и провалился в болото... Все моментально на тебе заледенеет и превратится в твердь. Сушить негде, не у тещи на блинах...так и ходишь, пока на тебе же не высохнет все. Война, одним словом.

В первые дни похода у нас была кухня, вкусной кашей кормили, давали селедку одну на двоих, по хорошему куску колбасы. Потом кухня исчезла и больше не показывалась, а селедку стали давать одну на троих, а потом... вообще ничего не давали. Бросят сухарей бумажный мешок на роту, по сухарю перепадет и все. А потом питались молоденькой травкой, появившейся из-под снега, кору скоблили, верхушки молоденьких сосен, как лоси ели... Выходившие из окружения в апреле-мае питались муравьиными яйцами. Даже трудно себе представить, какой пищей мы питались и каким чудом удалось выжить, правда не всем. О том, чтобы выжить, конечно, никто не думал. Больше всего боялся каждый – не получить ранение, которое в тех условиях означало смерть.»

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ ДЕГТЯРЕВ

Мой прадед Василий Лукич Дегтярев с 1941 по 1945 был шофером 343-го батальонного аэродромного обслуживания Северо-Кавказского военного округа. Про себя говорил, что «родился в рубашке». Провожая его на фронт, прабабушка зашила в гимнастерку листок с молитвой «Отче наш». С ней он и прошел всю войну без единой царапины. Три его машины сгорели, но сам он не пострадал. Участвовал в освобождении Варшавы, дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге.

Пока прадед воевал, его родной хутор был оккупирован немцами на протяжении многих месяцев. Его сын, мой дедушка, вспоминал, что, когда немцы вошли в хутор, то показательно расстре-

ляли двух девушек-евреек, которые приехали по распределению из института. В других хуторах было еще хуже: во время оккупации в Ростовской области прошли массовые казни евреев. Но в их хуторе, где остались только женщины с детьми и старики, больше никого не тронули. У них в доме жил немецкий офицер, а прабабушка с детьми ютились в землянке. Он из своего пайка подкармливал детей прабабушки шоколадом и показывал фотографии своей семьи: у него в Германии осталась маленькая дочка. Говорил, что война была горем для всех.

Хутор Долгий был освобожден только в январе 1943 года.

La Segunda Guerra Mundial en imágenes

ВОВ в рисунках

Георгий Воскресенский, 11 лет
Москва, Россия

Петр Альдана Корнев, 13 лет
Севилья, Испания

Николай Альдана Корнев, 15 лет
Севилья, Испания

Alicia Cruz Soriano, 21 años
Almería, España

Тамара Горожанкина
Воронеж, Россия

Creación literaria

Литературное творчество

75 лет*Татьяна Портнова***Тарту, Эстония**

В семьдесят пятый раз мир вспоминает славу,
Доблесть и смелость воинов, битву под Сталинградом,
Все погребённые души в ямах за мир и отчизну,
Тысячи мёртвых тел, выставивших нам — жизни.

Кровью солдат и болью вымощена свобода,
Смешана с грязью окопов, с голодом, с нищетою.
Вырваны из объятий сыны былой России,
Чьё и доныне вовеки гордо сверкает имя.

Мир поминает битвы, выигранные бойцами,
Мир этот — мы и солнце в небе над головами.
В нём бесконечна память о безнадежных жертвах,
Имя которых в памяти трепетно и бессмертно.

Всех ветеранов храбрость — знамя людей свободы —
Ввысь развевайся пламенем вольным до небосвода.
Всем ветеранам памятник, вечный, нерукотворный,
В семьдесят пятый раз мы воздвигаем скорбью.

El relato del abuelo

Cinta Prieto Medel, 27 años

Granada, España

—Papá por favor, cuéntame las batallitas del abuelo.

—Está bien, te voy a contar lo que él me relataba sin consuelo:

“Hay maletas en el suelo y avionetas por el cielo mientras todos temen por su vida, por el frío y por el fuego.

‘Un tratado es un tratado’, se decía a sí mismo mi vecino de barbas rojas.

‘Márchate a Moscú, o el próximo serás tú’, le aconsejé extrañando el horizonte azul.”

Al final, la unión defendió a la ciudad del nombre de honor y como podrás imaginar, el águila en su nido se escondió con terror.

Записка из дневника солдата

Франсиско Мануэль Кантареро Малагон. Студент, 2-й год изучает русский язык.

Гранада, Испания

9 мая 1945 г.

Дорогая Ирина!

Я сейчас в Берлине, и я рад, потому что война закончилась. Весь батальон поёт и танцует, и даже генерал смеётся! Я ещё помню дни Освенцима и грусть при виде всех тех людей, запертых там. Я не могу забыть глаза мальчика, которого мы встретили в казарме номер 3. Я видел в них смесь радости от спасения и грусти от всего, что он пережил. Ужасы войны преследуют меня, как тени.

К счастью, всё это закончилось, и я считаю дни, чтобы вернуться к тебе. Я не забыл твой запах, не забыл твои большие голубые глаза, которые в трудные минуты я вспоминал, смотря в небо. Я хотел бы обнять тебя, моя дорогая. Я просто хочу наконец-то быть рядом с тобой и оставить позади все эти годы.

Я всегда буду любить тебя. Уже скоро мы увидимся.

Твой Игорь

Diario de un soldado

María Cuadros Archilla, 21 años

Granada, España

Diario del soldado Juan Francisco Hidalgo durante su acción en la 2ª Guerra Mundial.

Los siguientes fragmentos forman parte de las notas que el soldado Hidalgo fue escribiendo para su esposa mientras se encontraba lejos de casa. No cuenta con fechas ni direcciones por lo que se piensa que son reflexiones para sí mismo más que cartas sin enviar.

I

Y entre la niebla espesa yo le escribo a usted, la mujer de mis ojos, aunque estos no puedan verla y tornen en colores oscuros provenientes de la enorme tristeza de perder a tus fieles luchadores, tus amigos. Me rompe el corazón tener que decirte, amada mía, que Fernando defendió con valentía aquella nuestra base, llegando incluso a dar su vida a cambio de libertad. Llevaré a mi gran amigo siempre en el alma. Cerca de ti, de mí, y de un mundo sin guerra.

II

Si mi destino no se encontrara en estar con usted, en este preciso instante yacería sobre la polvorosa tierra de este lugar al que no puedo poner nombre. Hoy el enemigo, mas recuperado que nunca, atacó sin piedad una de las bases cercanas, en la que desgraciadamente yo me encontraba, transportando mercancías con rigurosa urgencia. Los resultados fueron espantosos, tanto que mi cabeza se niega a evaluar los daños y pérdidas. Tres hombres que se hallaban trabajando allí perdieron su vida con honor y valentía defendiendo la torreta. Juro, mi amada, que puse mi alma en salvarlos de aquella inmerecida muerte, pero al ver el callejón sin salida, opté por mí mismo en procurar ayudar a los demás, heridos algunos gravemente. No se preocupe por mí. Regresamos a mi base y mis compañeros se ocuparon de los heridos mientras luchaba por retener la sangre que brotaba de mi tobillo. Ahora, mucho más relajado pero consumiéndome en el temor pienso en qué hubiera ocurrido si no la tuviera a usted, mi ángel de la guarda. Insisto en que no se preocupe por mí, todo estará bien.

III

Reconozco que no sé cuándo fue mi último adiós, es más, no sé en qué día me hallo viviendo. Me dolió tener que despedirme de mi difunto amigo, allá enterrado en la anterior base. Le di la mejor despedida que pude, se lo prometo. Pero en esta situación no creo ser el más indicado para rezarle y ofrecerle mi apoyo, ya que me encuentro en la lucha que a él le costó la vida. Gloria, disculpa mi debilidad, pero esta guerra me está matando. Me está destrozando sentir cómo compañeros de hace años se van, abandonan sin más, ofreciendo su espíritu por su país. Ver como en sus ojos se derrite la esperanza, resbalando por sus mori-

bundas mejillas y deslizándose al vacío. El viaje hacia este otro lugar, aún más solitario, ha sido más lento de lo que esperaba. Arena, tierra, y restos de historia quedaban aplastados por nuestros agotados pies, y sinceramente, no he podido aguantar la presión que me obligaba a mirar atrás con la ilusa esperanza de encontrar un golpe de alegría, volviendo a los pocos segundos a mi posición de partida, con mi cuello decepcionado hacia el horizonte, que daba la impresión de alejarse cada vez más. Mi anhelada Gloria, deseo más que nunca dejar esta situación atrás, deseo eliminar el miedo que habita en mi piel y en la de mis demás compañeros. Pero solamente deseo, porque en el interior de mi ser, algo muy malo me asegura que este tipo de sueños no merecen la pena en este lugar. Simplemente, no existen. Mañana partiremos teniendo por destino el enemigo. Demasiado e interminable tiempo llevo esperando alcanzarles, y ahora es nuestro momento, aunque mentalmente nadie de esta base, ni siquiera mis superiores, estamos dispuestos a hacerlo. Mi valentía no se acaba. Solo lucha contra el miedo, las falsas esperanzas y el agobio que surge de estar en este lugar, lejos, muy lejos de usted.

V

El siguiente fragmento fue añadido de forma posterior al diario, pero se considera crucial para entender su historia.

Con esta, diez cartas son las que tengo. Diez pedazos de papel más destrozados que mi alma en estos momentos. El trazo del dolor se incrusta en ellos, guiándome en la lectura. La guerra, falsa amiga. Una batalla constante con el enemigo, y con uno mismo, que al final lo único que nos muestra es como de frívolos podemos llegar a ser los seres humanos. Con iguales corazones, pero envenenados por el mal y destrozados en el fondo, luchan nuestros hombres con el afán de vencer, por defender su país o vivir libres. Pero todo el mundo sabe, que cuando hay un ganador, también existe alguien que pierde, que sufre, que muere por dentro. Alguien, a quien el polvo no le devolverá su ilusión, ni su joven alma, y a quien el olvido retirará rápidamente del mundo. Sólo permanece en el corazón de aquellos que han sentido como él. Esas personas anónimas para muchos y de gran importancia para unos pocos, que son quienes, involuntariamente, han llenado de coraje sus pupilas y han hecho brillar sus ojos cuando todo el mundo se estaba desvaneciendo.

Confieso que sólo te quería de vuelta. Perdedor o ganador, siempre viviste en mis ojos y siempre vivirás. Nueve cartas me han bastado para comprobar cómo la guerra se lleva todo lo que creíste tener asegurado. Y ahora que no estás aquí, ahora que soy yo la que no puede estar a tu lado, debo entregarte la décima, incluyendo el último pedazo de mi corazón que aún late, que nunca fue de nadie salvo tuyo, y que no pudiste llevarte contigo. Y en un profundo suspiro me pregunto: ¿Qué se gana con la derrota?

Gloria.

Героев всегда будут помнить

Хуан Вильяльба Сориано

Гранада, Испания

Когда мы празднуем 75-ю годовщину окончания Второй Мировой Войны, мы вспоминаем тех анонимных героев, которые пожертвовали собой во время этого исторического эпизода, страдая от холода, голода, нехватки продовольствия и бомб.

Сегодня я хочу вспомнить блокаду Ленинграда. В частности, сопротивление и усилия граждан города Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга, которые находились в осаде нацистской армии в период с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года.

Осада длилась 872 долгих дня. Практически без еды, без дров, без лекарств и всё это при очень холодных зимах. Приблизительно одна треть населения города умерла, более 800 000 человек. Однако, несмотря на страдания, население оставалось твердым, стойким, защищая свой город от захватчиков. Мужчины, женщины, дети и старики смело выдержали осаду и не сдали свой город.

Качества героев всегда одинаковы и неизменны во времени, вспомним случай Нуманции, хорошо известный нам в Испании. Римская империя завоевала почти весь Пиренейский полуостров, однако кельтиберы сопротивлялись оккупации и сражались против римских легионов. Для окончательного завоевания римский сенат отправил полковника Сципиона Африканского возглавить свои войска в Испанию.

В октябре 134 г. до н.э. 60 000 римских солдат вновь осадили город Нуманция, прекратив поставку продовольствия. Они назвали это завоевание быстрой победой, так как в Нуманции проживало всего 2500 жителей. Но реальность оказалась иной: Нуманция сопротивлялась осаде, и римляне в конечном итоге построили 9-километровую стену вокруг этого города. Несмотря на это, и не ожидая победы, «нуманцийцы», жители Нуманции, несколько месяцев сопротивлялись окружению. Как и в Ленинграде, в Нуманции не было еды, воды было мало, и город ежедневно преследовали вражеские легионы.

Население сопротивлялось месяцами, пока летом 133 г. до н. э. жители города не предпочли поджечь город и покончить жизнь самоубийством, чтобы не стать слугами Рима. Таким образом, враг не смог покорить их город и погиб на свободе. Очень немногие выжили, а те, кто это сделал, стали рабами.

Этот подвиг впечатлил римлян, так что он дошел до наших дней в форме испанского выражения «сопротивление Нуманции», что означает упорное отстаивание позиции или точки зрения в неблагоприятных условиях. Таким образом, спустя тысячи лет мы продолжаем помнить о мужестве героев Нуманции.

Осада Ленинграда закончилась освобождением города, но, как и осада Нуманции, героизм, жертва, сила и мужество жителей Ленинграда будут вспоминаться тыся-

челестиями позже нашими детьми и детьми наших детей.

Эта короткая заметка служит данью уважения всем тем, кто погиб во время Второй мировой войны.

La balada de Samara

María Isabel Romero Pérez, 24 años

España, Granada

Cuando su frente rozó el tosco cerrojo del Nagant, el agitado cuerpo de Inna comenzó a hundirse lentamente en el fango. Sus botas arrastraban casi todo su peso, el frío del pasado invierno parecía estar inyectado en las entrañas de la tierra, colándose por los recovecos del campo y atravesando los agujeros de un pantalón rasgado que pasaría a mejor vida. Nuevos parches de sudor y sangre moteaban su chaqueta: indolores e imperceptibles.

“¿...Y si dejase de ver la ciudad, de escuchar su ruido?”, preguntaba una voz familiar en su mente.

Pero ésta no era la antigua ciudad de Samara. Los cuerpos de Faina y Marfa yacían sepultados bajo los escombros, cuando minutos atrás habían sido violentamente recostados sobre la escasa maleza, entre trizas de madera astillada y restos de metal aún tintineante. Habían volado por los aires como mosquiteros, habían avistado el encuentro de un lecho que no dejaba espacio entre los muertos. Casi se podía oler el aire viejo, la brisa del reencuentro.

“...Si el río se seca, si se nos arrebatara el sabor del pan recién hecho...”, murmuraba de nuevo.

Meses atrás, las tres jóvenes habían decidido alistarse como voluntarias, quizá imbuidas por un convencimiento superior en la esperanza, y sin embargo, seguras de lo prosaico de una belleza irrecuperable. Era verano entonces. Alejandría o Kuzmín parecían palabras de una época pasada, olvidada en una amalgama de recuerdos en la que hoy sería ayer y mañana al mismo tiempo. Cambiarían de herramientas, sus manos ya no sostendrían el papel o la pluma. Las verdes armas ya no conservaban la misma forma.

“¿Acaso dejaría de anhelar el cielo en su frágil forma por ser etéreo?”, volvía a insistir un litigante susurro en su interior.

Inna no lograba ver con claridad. Una luz blanquecina reverberaba sobre las hojas, los charcos de barro y la mira del arma, cegaba sus ojos mientras difuminaba toscas formas deshumanizadas. Apenas consciente movió los dedos y apretó el gatillo. Era un torbellino de niebla el que la empujaba entre difusos alaridos y punzadas de dolor que, habiendo paralizado sus extremidades, la privaban de la necesidad inmediata de respirar. Deseó entornar los ojos e intentó parpadear, pero una vez cerrados fue una luz naranja la que prevaleció. Era casi tan naranja como el otoño, notaba el sabor de la sal en sus labios, tenía al mismísimo mar en su boca llena de guijarros: caliente, salado y embravecido.

“¡Samara!”, vociferaba una voz a lo lejos.

Aún no había acabado. Olores y sabores volvían a inundar sus sentidos: el inconfundible hedor del agua estancada, las flores marchitas, las conservas del invierno. Seguidamente

recuperó la visión. Ella estaba de pie, dándole la espalda a una oscura ventana que ansiaba sombrear las siluetas domésticas de un comedor exclusivamente iluminado por el triste atardecer. Un ruido desconocido la hizo estremecerse. Confundida, intentó concentrarse en la habitación: una mesa, y sobre la mesa un jarrón. Se acercó para cambiar el agua y los tallos reverdecidos de las plantas, el fregadero parecía reflejar un nuevo rostro, una realidad distorsionada e irreconocible. Los susurros que habitaban en esa estancia no eran más que baile de un grupo de insectos, cuyo mensaje no alcanzaría a entender. Así, Inna abandonó cualquier intención de comunicarse y se aproximó a la mesilla, no sin antes advertir un elemento que no había distinguido. Quedó absorta en el pequeño punto rojo sobre el mantel, distraída, ausente.

Contra todo pronóstico, sus manos empezaron a temblar en un frenesí que distorsionaba la escena. Sentía un calambre que llegaba hasta sus hombros, las baldosas parecían vibrar, el agua limpia del jarrón burbujeaba, y el zumbido de una tetera hirviendo comenzó a taladrar sus oídos. Entumecida, extenuada hasta el agotamiento en el corto trayecto de seis pasos, dirigió su vista hacia la nube opaca de la ventana.

La cerámica del jarrón voló en mil pedazos, las flores se tornaron en agujas y sus brazos buscaron contraerse en un abrazo.

Украденное детство

Тамара Горожанкина

Воронеж, Россия

Стоял погожий июльский день. Кучерявые облака неспешно плыли на запад, а солнце щедро одаривало плодородную землю своим теплом и светом. На огороде возле дома наливались красным цветом яблоки, золотились абрикосы, зрели груши. Нежный аромат фруктов и овощей разливался вокруг, дарил счастье и надежду на богатый урожай.

Легкий ветерок задорно играл с кучеряшками, бережно собранными в хвост старшенькой из трех сестёр, и щекотал ей щеки. Весёлой озорнице очень уж нравилось играть в саду прямо около крыльца. В тени растущей яблони она могла укрыться от палящего солнца и придумывала всевозможные игрушки из самых простых вещей: сорванный цветочек был платьем для ее маленькой куколки, сделанной из стебелька какого-нибудь сорняка. У очаровательной балерины платья и фасоны платьев могли меняться каждый день: то это огненно-желтые с красными складками пышные юбки из бархатцев; то это окрашенные в благородные оттенки голубого и фиолетового цветки пышной гортензии или более крупные юбки из цикория. Иногда Тамаре удавалось порадовать куколку изысканным нарядом из розовой эхинацеи, ярко-красных лепестков мака и еще многих других разноцветных нарядов для своей красавицы. Родители журили дочку за неосмотрительное использование растущих цветов, но всегда прощали очередной каприз малышки, когда видели ее радостное личико и слышали ее задорный детский смех.

В тот день новый костюм для куколок Тома выбирала со своей сестричкой Верой, младшая Римма тихо посапывала в люльке рядом. В глубине сада можно было услышать голоса взрослых. Дедушка с бабушкой пошли готовиться к поливке овощей, мама занималась хозяйством в хлеву.

Девочки были увлечены выбором нового яркого платьица для куколок, в этот раз они были в поиске ярко-красного наряда. Жужжали шмели и другие насекомые, доносилась трескотня кузнечиков, в саду и у соседей чирикали птички. В воздухе царил мир и покой. Девочки отчаянно пытались найти подходящий цветок. Они полностью были сосредоточены на поиске самого лучшего кандидата. Ромашка, бархатка, даже роза, казалось, не совсем им подходила...

Внезапно им показалось, что вся природа стихла. Уже не было слышно насекомых: не жужжали пчелы и шмели, затихло пение птишек, замолк хор звонкой мелкоты. В воздухе повисла тишина. Тишина, которая звенит в ушах, оглушает своей пронзительностью и силой. Тишина, которая предвещает что-то ужасное, устрашающее, неизбежное, непреодолимое.

Издалека начал доноситься тихий звук мотора. Он усиливался, и уже казалось,

что моторов было несколько. Один, два, пять, десять, тридцать... Все это происходило в считанные мгновения. Зловещий рев моторов становился все отчетливее, все громче. Они приближались, казалось, что вот-вот они покажутся над огородом, над садом, над их домом.

Небо сгустилось, стало сине-черным от заполонивших его вражеских самолетов. Все ревело, гудело, нагоняло ужас и страх. Железные звери стали извергать из своей пасти зло, снаряды десятками сыпались на ближайшие огороды, сады, дома... Земля комьями разлеталась со всех сторон, в сером облаке уже не было видно силуэтов.

Будто вкопанные девочки не могли пошевелиться. Лишь издали слышали отчаянный вскрик. Старшенькая Тома рванула, что есть сил, в огород. По пути ее схватила за руки мать и приказала ей оставаться в хлеву. Ползком, в ожидании новых снарядов, мать стала двигаться к деду. Выглядывая из сарайчика, девочка смогла рассмотреть, что дед лежит на земле, не отзывается на крики матери. В животе у него зияла красная рана, осколком разорвало живот, внутренности смешались с комьями земли, обломками веток деревьев. Мать и бабушка оттащили его поближе к дому. Они знали, что оставлять его было нельзя.

Прячась под уцелевшей яблоней, они смогли вырыть яму, укутали деда в широкую материю и предали земле. Теперь на сердце было спокойно, что родной человек остался на родной земле, которую возвращал и которая так бережно будет его хранить.

Много лет спустя, уже после освобождения Воронежа от фашистских захватчиков, маленькая Тамара выросла и осталась жить в этом доме. В огороде так и осталась могила ее деда. Она часто вспоминала тот день, часто плакала и переживала все события того дня снова. А еще часто плакала, что несколькими неделями спустя умерла малютка-Римма, когда их погнали на запад.

Нечасто об этом вспоминала Вера, по крайней мере никогда об этом не говорила. Наверно, тяжело говорить, когда трудно найти слова.

Основано на реальных событиях. Воронеж, лето 1942 года.

Reflexiones e indagaciones
Размышления и изыскания

Reflexiones de un español nacido en Alemania

Anton Haidl Dietlmeier

Cádiz, España

Soy ciudadano español, nacido en la República Federal Alemana en el año 1953, ocho años después de terminar lo que para nosotros fue la Segunda Guerra Mundial. Durante la invasión nazi de la URSS perdí un tío y mi padre volvió entero pero marcado de por vida en el año 1951.

Durante toda mi infancia y juventud estaba expuesto a una feroz propaganda anti-soviética, por lo que me considero un Niño de la Guerra Fría. Tardé muchos años en tener acceso a fuentes más objetivas y más aún en poder imaginarme, intuir al menos en parte, los sufrimientos que las hordas nazis infligieron a los pueblos de la Unión Soviética, y me avergüenzo especialmente de ese capítulo de la historia de mi Alemania natal.

Pero los recuerdos y conocimientos de la historia no deben limitarse al pasado. Después de haber sido indoctrinado durante tantos años, lo que más me ha quedado es un rechazo fortísimo contra toda propaganda que los poderosos del presente intentan inculcar en nuestras mentes: especialmente contra Cuba, contra Venezuela, contra Corea del Norte, contra Irán, contra China o contra la Federación Rusa.

Y no pierdo la esperanza de que algún día se reconozcan no sólo los sacrificios y sufrimientos de los pueblos de la Unión Soviética, sino que se valore adecuadamente su contribución a la derrota del fascismo en Europa y en el mundo en el año 1945. Y que algún día las mayorías de las ciudadanas y ciudadanos del mundo aprendan que el fascismo no es una opción o actitud más hacia la vida, sino un crimen, que debe castigarse con todo el peso de la ley.

Sé que no tiene más que un valor simbólico darle las gracias a los que perdieron la vida en aquella lucha: ¡pero que sepan que soy consciente desde hace muchos años, que mi infancia, mi juventud, mi vida hubieran sido espantosamente diferentes sin la victoria de la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas el 9 de mayo de 1945!

Por ello me quiero despedir dándoles las gracias a todas y todos que van contribuyendo con su ilusión y esfuerzo a esta maravillosa y necesaria iniciativa: ¡Viva el recuerdo de la victoria de la URSS en la Gran Guerra Patria! ¡Nunca más fascismo!

Totalitarismo y democracia

Juan Pedro Viñuela Rodríguez

Villafranca de los Barros, Badajoz

*Todos los seres humanos somos parte de un mismo cuerpo.
Cuando la vida afecta a un miembro el resto del cuerpo
sufre por igual. Si no te afecta el dolor de los demás es que
no mereces llamarte humano.*

Saadi. Poeta del siglo XIII

El ideal de la fraternidad encabeza aquello que inspiró a la creación de las Naciones Unidas en 1945, ahora hace 75 años, y sigue siendo un ideal de la ética y la política. Un ideal sin realizar y un organismo, para defenderlo, que nació lastrado por los intereses político-militares, que hacían posible el derecho al veto en el Consejo de Seguridad. Replantearse hoy en día una reforma o una creación de un gobierno mundial, para preservar la igualdad, la libertad y la fraternidad es algo urgente. Desde su creación, las NNUU, han demostrado su pesada carga burocrática que envuelve otros intereses y que ha sido sometida por los cinco grandes, violándose la igualdad de todos los seres humanos en favor de los intereses privados de tipo político, militar, económico, industrial. La actual crisis, causada por el Coronavirus, demuestra una vez más su ineficacia y la necesidad de seguir ese ideal ético-político de la humanidad que encabeza la entrada de la sede de las NNUU.

La cuestión que nos ocupa, entonces, es la de la democracia frente a los totalitarismos. Y, de paso, el fracaso de las democracias liberales capitalistas que en realidad se han convertido en una distopía que ha generado un poder autoritario y que, con la crisis actual, puede acabar en nacionalismos fanáticos, totalitarismos, exclusión... Por tanto, es urgente la defensa de la igualdad, la libertad y la fraternidad.

El totalitarismo que generó la segunda guerra mundial tiene su origen en la crisis económica del 1929 y acabó con la libertad de millones de seres humanos, la exclusión y el genocidio. El final de esta gran guerra dio lugar a la creación de las NNUU, con la intención de mantener la fraternidad y, también, hizo posible la aparición de las democracias europeas y su estado del bienestar: las socialdemocracias. Pero lo que habría que plantearse es si realmente se ha acabado con el totalitarismo y si se han realizado los ideales éticos de la Ilustración y la democracia.

Mucho me temo que, a pesar de las buenas intenciones, la situación que vivimos y en las que escribo este artículo, demuestran lo contrario. Hay que celebrar el fin de la segunda guerra mundial, de sus atropellos, millones de muertos, genocidio: cultural, étnico, ideológico... Todo eso es cierto. Y el compromiso de no volver a caer en una barbarie semejante parecía firme, pero, la propia creación de las NNUU con sus intrínquilis burocráticos hacen sospechar de lo contrario.

Por otro lado, el mundo quedó dividido en dos bloques que iniciaron una carrera armamentística que aún pesa sobre nuestras cabezas como una espada de Damocles. Las intervenciones de ambos bloques por controlar el mundo no tuvieron fin, el mundo estaba en guerra, a la que, eufemísticamente, se le llamó guerra fría. Eso sí, la guerra de verdad se hacía imposible, porque como dijera Einstein, una tercera guerra mundial sería la última y la siguiente sería a pedradas. Pero al final de esta escalada de guerra industrial militar, el bloque del Este cayó, se desmoronó de forma rápida, como nadie lo esperaba. Y a ello le siguió el Pensamiento Único neoliberal, que se instauró y se globalizó gracias a las nuevas tecnologías de la comunicación y de la información. Y se hizo normal una sociedad basada en la ideología del progreso económico ilimitado como único fin de la sociedad. El ciudadano se convirtió en ciudadano-vasallo, o, según el filósofo coreano Chould Han, se hizo esclavo de sí mismo creyéndose libre; el poder se ha hecho demasiado sutil y, ni siquiera lo sentimos, es más, cuando obedecemos, en las redes sociales, en el consumo, en las condiciones laborales, en los gustos, el turismo, la espiritualidad,...creemos ser libres. Es ésa una paradoja infernal. El poder es difuso, líquido, que diría Bauman, es un mundo feliz. Pero, como el de Huxley, es un mundo feliz ilusorio, una gran mentira. Y eso es lo que ha pasado ahora. De eso es de lo que nos hemos dado cuenta con el virus, y de lo que nos daremos más cuenta con la crisis económica que se avecina.

Por eso creo que debemos sacar una enseñanza en la conmemoración del fin de la segunda guerra mundial. El hombre tiene una doble condición: sombra y luz, vicios y virtudes. Es capaz de lo más excelso, así como de lo más abyecto. Fuimos capaces de terminar con el totalitarismo fascista de la segunda guerra mundial e instaurar democracias que mantenían, en Europa, un estado de bienestar fuerte. Pero la oscuridad nunca se fue, ni se irá. Estaba agazapada en el capitalismo y en los regímenes comunistas del Este, de China,...y, cuando cae la URSS, pues salta el monstruo del capital y comienza una nueva era de totalitarismo, esta vez en forma de utopía.

La crisis que estamos viviendo y la económica que se avecina, como consecuencia, es una crisis que hunde sus raíces en la condición humana, en nuestro espíritu prometéico que quiere conquistar, dominar, poseer,...pero sólo este espíritu nos lleva a una situación insostenible con respecto a la tierra y con respecto a la humanidad, porque el modelo económico que acoge este espíritu crea, de por sí, desigualdad. A mi modo de ver es necesario recuperar los valores éticos frente a la política neoliberal, sino queremos caer en otro conflicto totalitario; esta vez, el último.

Гренада, Гренада, моя vice versa Россия, Россия, Россия моя

О. Войку

Санкт-Петербург, Россия

Дарья Кривоборская

Севилья, Испания

75 лет назад закончилась самая жестокая и бесчеловечная война XX века. Но до сих пор не утихает боль в наших сердцах. Мы помним, что пережил наш народ и не забудем никогда. Мы хотим, чтобы этого больше не повторилось. 30 марта 2020 г. на 96-м году жизни умер Юрий Бондарев, последний из писателей военного поколения. Уходит поколение, которое прошло войну. Мы, дети, внуки, а теперь уже и правнуки защитников отечества и мира на земле несем на себе ответственность за то, чтобы сохранить пламя свечи, которая горит благодаря подвигу нашего народа.

Рядом с нашими бойцами сражался и Рубен Ибаррури, баск по национальности, приехавший в 1935 году из далекой Испании. Сын знаменитой Пассионарии (La Pasionaria) Долорес Ибаррури Гомес (1895-1989) родился в 1920 году. В этом году его юбилей. В 1937 году Рубен Ибаррури поступил в летное училище, а в 1939 году в составе интербригад поехал в родную Испанию. Вернувшись, окончил в 1940 году пехотное училище. Командир пулеметной роты, Герой Советского Союза, капитан Рубен Ибаррури, защищая Сталинград, был тяжело ранен и скончался 3 сентября 1942 года в госпитале от ран. Похоронен в центре Сталинграда (Волгограда) на площади Павших бойцов. Долорес Ибаррури написала книгу "Mi hijo Rubén" - «Мой сын Рубен». Но она была не единственным человеком, который увековечил имя испанского героя.

В 1952 году в цикле «На сталинградской земле» появилось стихотворение «Побратимы» Ольги Берггольц (1910-1975) (1: 103-104). В годы Великой Отечественной войны, находясь в осажденном Ленинграде, Берггольц создала свои лучшие поэмы, посвященные защитникам города. Выступления Берггольц по радио поддерживали борющихся с врагом ленинградцев все 900 дней блокады Ленинграда с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 г. «Творчество Берггольц отличает глубокая лиричность. Драматизм, страстная прямота («от сердца к сердцу»), вдохновенная приподнятость» (2: 554).

Пассионарии сын и солдат,
он в сорок втором защищал Сталинград,
он пел, умирая
за эти края:
«Россия, Россия, моя...»

В этих строках мы видим аллюзию на знаменитое стихотворение М.А. Светлова

(1903-1964) «Гренада, Гренада, Гренада моя», написанное в 1926 г. «В стихах о гражданской войне в полную силу проявилась романтическая природа дарования поэта. В «Гренаде» два плана – мир реальный, привычный, ощутимый и далекий, подернутый романтической дымкой, соединяются; возникает неразделимое сочетание образных понятий: «гренадская волость». Светловский образ и рождается чаще всего на пересечении дальнего и близкого, высокого и житейского» (3: 700).

Пронзительны строки О. Берггольц:
Но только, наверно, ошибся поэт:
тот хлопец – он белыми не был убит.
Прошло девятнадцать немыслимых лет, -
он все-таки дрался за город Мадрид.
И вот он – стоит к Сталинграду лицом,
И смотрит, бессмертный,
сквозь годы,
сквозь бури
туда, где на площади Павших Борцов
испанец лежит – лейтенант Ибаррури.

Испания и Россия находятся на пересечении Европы с Африкой и Азией. Именно поэтому между нашими народами так много общего, потому что мы находимся на границе разных миров. Но ведь мир един. И ему нужен мир! А еще ему нужна связь поколений, преемственность поколений. В бережном отношении к прошлому и проявляется любовь к своей земле и своему дому. Гренада и Россия – это наш общий дом на Земле, и мы будем его беречь!

Список литературы:

1. Берггольц О.Ф. Сочинения в 2 томах. Т.1. М., Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 224 с.
2. Краткая Литературная Энциклопедия. Гл. ред. А. А. Сурков. Т. 1 – М., «Советская энциклопедия», 1962. –1088 с.
3. Краткая Литературная Энциклопедия. Гл. ред. А. А. Сурков. Т. 6 – М., «Советская энциклопедия», 1962. –1040 с.
4. <http://warheroes.ru> (дата обращения: 31.03.2020)

Русские и испанцы – вместе в битве против фашистской Германии 75-му дню Победы 2020 в Великой Отечественной Войне посвящается

Ольга Коренева

Севилья, Испания

Уже несколько лет я занимаюсь темой русских испанцев, или испанских детей войны, которые были эвакуированы в СССР в 1937 году для их спасения от кровопролития Гражданской войны в Испании. Их история до сих пор не очень известна и самим испанцам на родине, не говоря уже о молодом поколении. События тех лет еще теснее связывают Испанию и Россию и являются частью нашей общей истории, о которой мы также должны помнить и которую оба народа просто обязаны знать.

Испанцы первыми в тридцатые годы дали отпор фашизму. Многие страны протянули тогда руку помощи испанским республиканцам и приютили их семьи и других политических беженцев. Все они вскоре снова вернулись домой. Но только СССР не согласился вернуть в Испанию Франко более 3500 испанских детей. Известна фраза Сталина в ответ на требование Франко возвратить эвакуированных испанских детей домой. Сталин тогда сказал, что этих детей ему доверила Республика, и Республике он их и вернет. Так и осталось большинство испанских детей войны жить в России, до времени «оттепели», когда Хрущев все-таки разрешил испанцам вернуться на Родину. Но до этого им пришлось пройти горести еще одной, уже не их войны, которая застигла их позже в СССР.

Судя по материалам, предоставленным президентом Испанского центра в Москве Марией Терезой Касеро, и многочисленным публикациям по теме русских испанцев, эвакуированные испанские дети в возрасте от 3 -14 лет сначала попали в настоящий «пролетарский рай». И хотя им и пришлось жить далеко от дома в специально оборудованных для них детских домах, за ними специально ухаживал испанский персонал, эвакуированный вместе с ними, и их новая жизнь вдали от семьи была лучше, чем то, что пережило большинство из них на родине. Родители-республиканцы думали, что эвакуация их детей продлится несколько месяцев, но она растянулась на долгие годы. Этим детям, которые уже пережили одну войну и были оторваны от своих родных, пришлось вскоре вновь пережить ужасы военного времени. Никто не ожидал эту новую войну, в которую была втянута страна вероломным нападением гитлеровцев в июне 1941.

Приехавшие в 1937 году в СССР маленькие испанцы к тому времени уже привыкли к своей хорошей новой жизни. Для поправления здоровья их возили на море, на курорты, посылали в Артек. На каждых двух детей приходилось по одному воспитателю, что было невиданно для обычных советских детских домов. Испанских детей хорошо кормили, у них были игрушки, их вывозили на экскурсии, они занимались спор-

том. Преподавание проходило на испанском языке, русский изучался как иностранный. Они свыклись с русской кухней. Их даже угощали икрой, которая, к сожалению, никому из них не нравилась. По своему происхождению они были в своем большинстве с севера Испании - Астурии или Страны Басков. Они скучали по треске и чечевице. Но как только русское руководство узнало об этом, оно сразу стало поставлять им эти продукты. Но этим хорошим временам не суждено было продлиться долго. И с началом Второй мировой войны также испарилась и их надежда на скорое возвращение в Испанию к родителям.

Многие из них так и не поняли, что произошло, и что придется снова снимать с насиженных и привычных мест и эвакуироваться. Момент возвращения на Родину все больше отдалялся. Многие из них видели в возможности победы русских над гитлеровцами шанс скорее вернуться домой. Поэтому самые старшие из них рвались на фронт. Тем, что помладше, пришлось работать на заводах и фабриках, где им предоставляли ступеньки, чтобы они доставали до станков и оборудования, которые снабжали фронт самым необходимым. Многие работали на оборонную промышленность. Большинству из них пришлось снова эвакуироваться из-за натиска фашистов и вновь пережить нужду, голод и холод, лишения, трагедию и боль. Но надо отдать должное советскому руководству, так как оно всегда старалось заботиться об испанских детях, даже в таких критических ситуациях, насколько это было возможно в условиях войны. И по утверждению Виртудес в ее книге «Русская испанка», русские заботились о них даже больше, чем о собственных детях и гражданах. Командование Красной армии специально отправляло с ними солдат для защиты их эвакуационных передвижений. Им выдавали карточки на еду, на которых стояло «рабочий класс» и по которым они могли получать не положенные им 400, а 600 грамм хлеба в день. По словам Луиса Гарсия, который также передал свои воспоминания военных лет в книге «Воспоминания одного из детей войны», больным испанским детям даже в военное время старались предоставлять испанских врачей и все необходимые лекарства. Но война жестока, и гитлеровцы зачастую не жалели даже больных испанских детей, которые не могли бежать, и расстреливали их вместе с закрывавшими их собой советскими медиками и воспитателями, как следует из материалов Испанского центра в Москве, где цитируются отрывки из книги Михаила Кольцова «Испанский дневник».

По воспоминаниям некоторых из испанских мальчиков, не всем испанским добровольцам довелось повоевать на фронте. Одному из них, Антонио Эрранцу, было 14 лет. У него не было документов, а на фронт посылали всех. И когда уже он ехал в эшелоне на ленинградский фронт, один капитан увидел и распознал в нем испанца. Антонио утверждает, что хотел на фронт, так как там хотя бы регулярно кормили. Но капитан сказал ему: «Иди домой! У тебя еще будет время побороться за защиту Испании». Капитан ошибся, но спас ему жизнь, говорит Антонио. Испанцев не призывали в Красную армию, они не были советскими гражданами. Но и тех испанцев, которые добровольно воевали рука об руку вместе с советскими солдатами было немало. И военное командование жалело их и не посылало на опасные задания.

Вместе с эвакуированными из Испании во время Гражданской войны 1937 года

детьми, СССР также приютил более 600 тысяч республиканских активистов, которые спасались от режима Франко. С приходом Второй Мировой войны им снова пришлось взяться за оружие. Особенно отличился в разгроме фашистов испанский активист Энрике Листер, ставший впоследствии единственным в истории генералом трех армий. Также героически проявил себя в Красной армии и сын лидера коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури – Рубен, получивший позже звание Героя Советского Союза.

Испанский центр в Москве также предлагает экспозицию, посвященную испанским летчикам, память и заслугу которых в победе над гитлеровской Германией чтят в России. По материалам центра, в составе Красной армии против фашистов воевало около 70 испанских летчиков. Некоторые из них были из рядов военнослужащих Испании, другие молодые летчики были испанскими детьми войны, выучившимися к тому времени в советских летных училищах. Много испанцев также воевало в партизанских отрядах и прошло много фронтов, пожертвовав своей жизнью за спасение мира от фашизма в знак братской дружбы между испанским и русским народом. В Книге Памяти, составленной Испанским центром в Москве, записаны около 200 имен испанских бойцов, медсестер, блокадников, погибших в ВОВ. Более 200 испанцев также погибло от голода и болезней в военные и первые послевоенные годы, но многие из выживших испанских детей войны все еще продолжают жить в России. Они уже очень пожилые и хотят, чтобы мы узнали и передали дальше их истории.

Русскому и испанскому народу нельзя забывать об уроках их общей истории. Они должны остаться в нашей памяти и в памяти молодого поколения как символ ценности человеческой жизни и взаимопонимания, а также важности сохранения мира на земле.

Список использованной литературы:

Какадий, Юрий (2019). Испанцы в НИИ ВВС. Испытатель, номер 40 (1173) от 9.10.2019. Еженедельное издание Государственного летно-испытательного центра им. Чкалова.
Курганов (2018). Испанцы в Великой Отечественной войне. Краткий очерк. [дата обращения: 01.05.2020] https://pikabu.ru/story/ispantsyi_v_velikoy_otchestvennoy_voyne_kratkiy_ocherk_5285022

Материалы, статьи, данные, Книга Памяти и другие источники, предоставленные Испанским центром, Москва, Россия. (**Консультант, Президент Испанского центра в Москве - Мария Тереза Касеро**).

Camino, Jaime (2001). *Los niños de Rusia (2001): siguiendo el camino de la memoria*. Documental.

Compañ Martínez, Virtudes (2018). *La española rusa*.

García Luque, Ignacio Luís (2018). *Memorias de un niño de la guerra*.

La huella española en la Gran Guerra Patria

Andrés Santana Arribas

Cádiz, España

Españoles héroes para el mundo, pero desconocidos para los propios españoles

Prácticamente todos los españoles conocemos la aportación del dictador Francisco Franco a la invasión nazi de la URSS con el envío al frente soviético de, según algunas fuentes, hasta 50.000 “voluntarios” españoles en las filas de la División Azul. Un hecho histórico muy conocido a pesar de que no es precisamente como para sentirse orgulloso del mismo como país democrático que somos... y que quién sabe si no lo seríamos, de no haber detenido, hace ahora 75 años, el Ejército Rojo aquella invasión nazi, españoles inclusive, y la expansión por toda Europa del fascismo alemán y, por ende, también el fascismo español.

Sin embargo, otro hecho igualmente histórico y que sí nos debería enorgullecer como país democrático es que 749 héroes españoles, de los que más de 200 perderían la vida, lucharan, integrados en distintas divisiones del Ejército Rojo, contra los nazi en el frente soviético, alcanzando un destacadísimo protagonismo y dejando para la historia auténticas gestas. El heroísmo de aquellos compatriotas nuestros se ha venido generalmente silenciando y ninguneando en los manuales y libros de historia editados en España (y no solo durante la dictadura de Franco), con lo que los españoles lo desconocemos por regla general y el propio Estado español priva así a sus ciudadanos de la posibilidad de enorgullecerse de aquellos compatriotas que liberaron Europa del nazismo.

Tampoco se suele mencionar, salvo excepciones, en la historiografía española a los casi 300 niños españoles (de aquellos famosos 2.895 Niños de la Guerra que el Gobierno de la República envió a la URSS para salvarlos de ser represaliados por los sublevados tras la Guerra Civil española) que fallecieron durante la Gran Guerra Patria, la mayoría de hambre, enfermedad, frío o bombardeos, pero 75 de ellos combatiendo de manera heroica contra el ejército alemán, sí, siendo niños y llegando incluso a mentir sobre su edad a los mandos militares soviéticos para poder empuñar un fusil contra el fascismo (Stalin había prohibido expresamente que los niños españoles estuvieran expuestos a los combates y, mucho menos, que participasen en los mismos)...

Como españoles, podemos y debemos sentirnos orgullosos y agradecidos a todos aquellos compatriotas nuestros que contribuyeron en alto grado desde el Ejército Rojo a la lucha contra el fascismo y por la liberación de Europa, esa Europa libre que celebra su Día de Europa el 9 de mayo, justo el mismo día que Rusia y los pueblos postsoviéticos celebran el Día de la Victoria.

Recordemos que el Día de Europa tiene su origen en un 9 de mayo de 1950, cuando el ministro francés de Asuntos Exteriores, Robert Schuman, leyó en París su famoso discurso sobre nuevas formas de cooperación política que evitara nuevos conflictos bélicos entre las

naciones europeas. El Día de la Victoria se remonta a 5 años antes, 1945, como todos sabemos, así que es fácil concluir que, sin el Día de la Victoria, no existiría tampoco el Día de Europa, ni posiblemente la propia Europa. Huelga decir que la coincidencia de ambas fechas no es casual, pues resulta demasiado evidente.

¿Pero cuál fue la aportación real de los españoles en la Gran Guerra Patria?

Sería lógico pensar que poco significativa podría haber sido la aportación de 749 españoles del Ejército Rojo a una victoria en un conflicto militar con millones de fallecidos y teniendo en cuenta la propia España de Franco aportó unos 50.000 soldados justo para el fin contrario... Pues bien, se puede afirmar que, con tan escasos efectivos, la aportación española a la Gran Victoria fue muy destacada y con gran reconocimiento por parte de Rusia y los pueblos postsoviéticos, tanto entonces como ahora, tal como veremos más adelante.

En primer lugar, conviene recordar el perfil tan especial y propicio de los combatientes españoles: pilotos muy entrenados contra aviones alemanes, exiliados de la Guerra Civil Española expertos en la guerra de guerrillas, y, la mayoría, con gran experiencia de combate real contra el mismo enemigo: el ejército fascista de Hitler que había apoyado al ejército fascista de Franco.

Otro hecho que demuestra el estelar papel español es, por ejemplo, que el Ejército Rojo tomara la decisión estratégica de crear una unidad militar específicamente española, la 4ª Compañía del 1º Regimiento Motorizado de Fusileros, comandada por el capitán Peregrín Pérez Galarza (integrada en la Brigada Motorizada Independiente de Designación Especial del coronel Orlov) y compuesta por 125 soldados, seis de ellos mujeres. Una decisión que no fue, en absoluto, casual, sino, decíamos bien, estratégica, pues era tal la confianza que el Ejército Rojo depositaba en nuestros compatriotas que esta unidad española fue adiestrada durante meses hasta ser enviada a Moscú el 15 de octubre de 1941 con la misión especial de defender la Plaza Roja y el Kremlin, justo en un momento como aquel, cuando los carros de combate alemanes estaban a punto de entrar en la capital soviética. ¿Cabe acaso mayor honor y gloria que te confíen, siendo extranjero, la defensa del corazón de todo un país, como son el Kremlin y la Plaza Roja en Rusia hoy y, entonces, en la URSS?

Podríamos describir aquí muchos episodios gloriosos de los combatientes españoles, como por ejemplo, de los pilotos republicanos en las batallas de Kursk, Moscú o Stalingrado, destacando sobremanera Juan Lario Sánchez, alias Iván, con 27 victorias en la Gran Guerra Patria y que mandaría posteriormente una escuadrilla durante la Batalla por la toma de Berlín... O la experiencia española que aportaron los nuestros al Ejército Rojo en la guerra de guerrillas contra los alemanes, destacando altamente una mujer, África de las Heras, alias Patria, llegando a ser el ciudadano español con más condecoraciones de la Unión Soviética (más que cualquier otro hombre)... O el hecho de que tres españoles (Juan Modesto, Enrique Lister y Antonio Cerdón) fueran ascendidos a generales del Ejército Rojo... O que en la escuadrilla de cinco cazas que escoltó el avión de Stalin a la cumbre de los aliados en Teherán, tres fueron pilotados por españoles y encabezara la escuadra el español Juan Bravo (igual que escoltaron republicanos españoles a De Gaulle en su entrada triunfal en París)... O que el plan más delicado (eliminar a Hitler) fuera confiado a un comando español disfrazado de

oficiales de la División Azul, aunque finalmente no se llegase a realizar dicho plan... En fin, serían muchas e interesantes las hazañas de guerra que podríamos describir aquí, así como también las enormes aportaciones a la ciencia, la educación y la cultura soviéticas que harían posteriormente aquellos niños que se había salvado de dos guerras, la civil española y la segunda mundial, pero no es ese el objeto de estas líneas...

Lo que se pretende en esta modesta aportación en forma de artículo es poner en valor la hazaña española en su conjunto en la Gran Guerra Patria y dejar testimonio de cómo se ha expresado a nivel oficial ese reconocimiento por parte de Rusia y España.

Reconocimiento oficial a los españoles caídos en la Gran Guerra Patria

En este sentido, hay que comenzar esta sección agradeciendo a Rusia que el reconocimiento oficial haya sido máximo por su parte, ya que España es el único país del mundo que cuenta con un monumento propio en el Parque de la Victoria de Moscú.

Como se sabe, prácticamente toda la geografía de Rusia y los países de la extinta Unión Soviética está regada de monumentos en conmemoración de la Victoria en la Gran Guerra Patria, pero es el Parque de la Victoria de Moscú el lugar que acoge y concentra la gloria de tan importante acontecimiento.

Este parque, que empezó a realizarse en tiempos de Brézhnev, fue inaugurado oficialmente en 1995, 4 años después, por tanto, de la caída de la URSS, y con motivo del 50 aniversario de la histórica victoria soviética sobre el ejército de Hitler en la Gran Guerra Patria. Este majestuoso parque-memorial se encuentra situado en la emblemática Colina Poklónnaya.

A pesar de haberse mantenido oficialmente neutral en la Segunda Guerra Mundial y del envío por parte de Franco de miles de soldados en forma de voluntarios para la invasión de la URSS, España es el único país extranjero que tiene el honor de contar con un monumento propio en un lugar tan simbólico y concurrido como el Parque de la Victoria.

Esto es algo que suele desconocer el español medio y que sorprende bastante al turista español que visita Moscú. Sin embargo, tras lo descrito hasta ahora en este artículo, no debe extrañar a nadie dicho trato especial, pues es la forma en que ha expresado el pueblo ruso su sincero agradecimiento y reconocimiento al pueblo español, en la persona de los españoles que combatieron hombro con hombro junto con los soldados soviéticos de los pueblos de la URSS contra la ocupación nazi. Aunque hay gran baile de datos, según las cifras oficiales, perecieron en combate entre 207 y 215 de aquellos españoles.

El monumento español, sufragado por el Ministerio de Cultura de España (120.000 euros) y el Ayuntamiento de Moscú (140.000 euros), lo conforma una capilla de granito de siete metros de altura, con la inscripción: “A los españoles caídos en los años de la Gran Guerra Patria”.

Es obra del arquitecto español y niño de la guerra Antonio Mije, hijo del célebre líder sevillano del PCE Antonio Mije y quien manifestó en la inauguración que este trabajo era “el más importante” de su vida. Hay que agradecer a Rusia y al Ayuntamiento de Moscú que dejaran total libertad creativa al artista español, ya que una capilla católica no era quizás el

elemento más indicado que se podría haber elegido para tan simbólica ocasión, teniendo en cuenta que Rusia es un país mayoritariamente ortodoxo y, en tiempos de la Gran Guerra Patria, era oficialmente ateo, lo mismo que muchos de aquellos combatientes españoles caídos en el bando soviético.

La inauguración de tan especial monumento estuvo a cargo del entonces príncipe Felipe, actual rey de España, el 26 de junio de 2003, con participación de la Guardia de Honor del Kremlin y un centenar de emocionados asistentes, entre los que se encontraban los Niños de la Guerra, sus familiares y veteranos de la guerra. Recordemos que, según cifras oficiales, unos 75 de aquellos niños españoles murieron en combate y cerca de 300 resultaron víctimas civiles de la Gran Guerra Patria.

Por cierto, tres días antes, el 23 de junio, el príncipe español había inaugurado en San Petersburgo un monumento al genial ingeniero español Agustín de Bethancourt, a quien la humanidad debe en gran medida la belleza de la majestuosa ciudad del Neva. Podría afirmarse que España saldó tres días grandes deudas acumuladas desde el siglo XIX con su propia historia y con las relaciones hispano-rusas, reconociendo la figura de Agustín de Bethancourt y a los caídos españoles en la Gran Guerra Patria.

Testigo directo: fin de las polémicas

Por hallarme prestando servicio como traductor en aquellos años en la Consejería de Información (Ministerio de la Presidencia) de la Embajada de España en Moscú, tuve la fortuna y el honor de ser testigo directo de aquellas dos históricas inauguraciones y conocer el proceso de gestación del monumento moscovita (casi 10 años de trámites administrativos entre ambos países).

El acto lo recuerdo como realmente emocionante y, solo con ver las caras de satisfacción y ojos brillantes de lágrimas de nuestros queridos Niños de la Guerra congregados allí, mereció la pena el gran esfuerzo de todos, administraciones y particulares. Como españoles, nunca podremos saldar la deuda moral que tenemos con estos ancianos de hoy (fallecidos ya en su mayoría) que, cuando los enviaron a la URSS durante la Guerra Civil, no eran más que 2.895 niños inocentes que no sabían a dónde iban, por qué les separaban de sus familias y qué les depararía el destino.

Como mi modesta tarea en este evento (y en el de San Petersburgo) consistía en la organización del trabajo de los medios de comunicación españoles que lo cubrían, no se me olvida la preocupación que teníamos por la climatología, pues aunque esa semana no había llovido, había un pequeño riesgo de precipitaciones... Finalmente, aquel 26 de junio de 2003 resultó ideal, cayeron algunas gotas en momentos parciales del día, pero el acto pudo lucirse con una agradable temperatura de unos 17 grados... pero lo que se me ha quedado grabado para siempre en la mente fue la imagen del sol resplandeciendo justo en los momentos mágicos del acto inaugural del monumento, algo que yo interpreté para mí mismo como si desde España se hubiera abierto camino por toda Europa un rayo de sol para alumbrar tan especial acontecimiento y volviendo a recorrer así el mismo trayecto que hicieran en su momento nuestros Niños de la Guerra hasta llegar a la URSS.

Claro que, como suele ser habitual, también hubo lugar para la polémica, algo tan enraizado en el carácter español y absolutamente inevitable cuando se trata de un tema relacionado con la Guerra Civil y las dos Españas. Y es que, de manera totalmente inesperada para la parte rusa, desde la parte española se comenzó a circular la idea de que el monumento estaba dedicado a todos los españoles caídos en Rusia durante la Segunda Guerra Mundial, es decir, incluyendo a los fallecidos en las filas de la División Azul. Es más, incluso el discurso oficial del príncipe Felipe apuntó en esa misma dirección refiriéndose a “todos los españoles caídos”.

Evidentemente, la parte rusa (Ayuntamiento de Moscú) había cedido el espacio como un gesto a España (con ningún otro país del mundo se ha hecho algo así en el Parque de la Victoria) como agradecimiento a los españoles que lucharon de lado del Ejército Rojo contra la invasión nazi, y así lo reafirmó, ante la polémica, el entonces vicealcalde de Moscú, Valeri Shántsev, asegurando que el Ayuntamiento jamás habría cedido un espacio en el Parque de la Victoria para un monumento en honor a los caídos por parte nazi (en clara referencia a los voluntarios españoles enviados por Franco en la División Azul como apoyo al ejército alemán). Como la parte española no rebatió públicamente este argumento, quien calla otorga y fin de la polémica, no quedando ya ninguna duda sobre a qué españoles caídos conmemora específicamente este monumento.

Pero es que, además, esta, como casi todas las polémicas, no tenía tampoco demasiado fundamento, ya que la propia placa del monumento explica claramente, y sin ayuda de los políticos, a quién está dedicado: “A los españoles caídos en los años de la Gran Guerra Patria”. Los españoles que cayeron en el bando soviético participaban en la Gran Guerra Patria, mientras que los caídos de la División Azul participaban una operación militar, llamada Barbarroja, de la Alemania nazi en el marco de la Segunda Guerra Mundial, y el monumento está dedicado a la Gran Guerra Patria, no a la Segunda Guerra Mundial.

Por otra parte, viene a colación aquí y es de rigor mencionarl, años después, surgió otra polémica por un tema también relacionado con la participación española Gran Guerra Patria, en este caso los “voluntarios” de la División Azul.

El 10 de febrero de 2015, el entonces cónsul general de España en San Petersburgo, Juan Antonio Martínez-Cattáneo, hizo una ofrenda floral en Krasny Bor en honor a los caídos de la División Azul.

Este hecho se conoció, porque la propia Hermandad de la División Azul se vanaglorió en acto público en el cementerio de la Almudena de Madrid de que el cónsul español en San Petersburgo, Juan Antonio Martínez-Cattáneo Hingston, les había hecho llegar las siguientes palabras: “En fecha 10 de febrero en el mismo campo de Krasny Bor no faltarán sobre la nieve que lo cubre unas flores con nuestros colores, las cinco rosas y una oración. ¡Arriba España!”.

Se da la circunstancia de que este diplomático español es hijo del falangista Antonio Martínez-Cattáneo, quien se alistó a la División Azul combatiendo en el frente ruso (recorremos que a la División Azul se le encomendó la misión de participar en el asedio de la ciudad de Leningrado desde el flanco sur, un asedio que duró 900 días y fue uno de los episodios más

cruentos y tristes de la Gran Guerra Patria y toda la Segunda Guerra Mundial).

Claro, la polémica estaba servida: ¿cómo un cónsul general podía ofender así al país en el que representaba a España? Tras un intercambio de acusaciones y desmentidos de unos y otros, como suele ser habitual en estos casos, finalmente la cosa quedó como que el Sr. Martínez-Cattáneo participó en el acto a título particular, manteniendo así su puesto de cónsul general. Claro que cualquier persona tiene todo el derecho a poner flores a su padre o quien desee y donde desee, pero lo puede hacer antes y después de ser cónsul general, nunca durante, ya que, durante el tiempo que eres diplomático en un país extranjero, representas a España en ese país extranjero y no a ninguna causa particular ni familiar.

A nivel diplomático, esta crisis se llevó con máxima cautela por ambos países y la simbólica disculpa española llegaría el 8 de marzo de 2015, cuando el entonces ministro de Asuntos Exteriores de España, José Manuel García-Margallo, depositó en acto oficial una corona de flores ante el monumento español del Parque de la Victoria y, esta vez sí, dejando claro que se hacía en honor a “los españoles caídos en Rusia que combatieron contra Alemania en la II Guerra Mundial”. Parece que este acto también serviría como doble disculpa, añadiendo a lo del cónsul de San Petersburgo la no presencia oficial española, dos meses después, en los actos de conmemoración del 70º aniversario de la Victoria en la Gran Guerra Patria el 9 de mayo de 2015.

A modo de conclusión

Como hemos visto, si bien de manera muy breve, aquí, la Gran Guerra Patria no es un acontecimiento ajeno ni lejano para los españoles, sino que está muy enraizada en nuestra historia como país y en nuestras relaciones con Rusia y los países postsoviéticos.

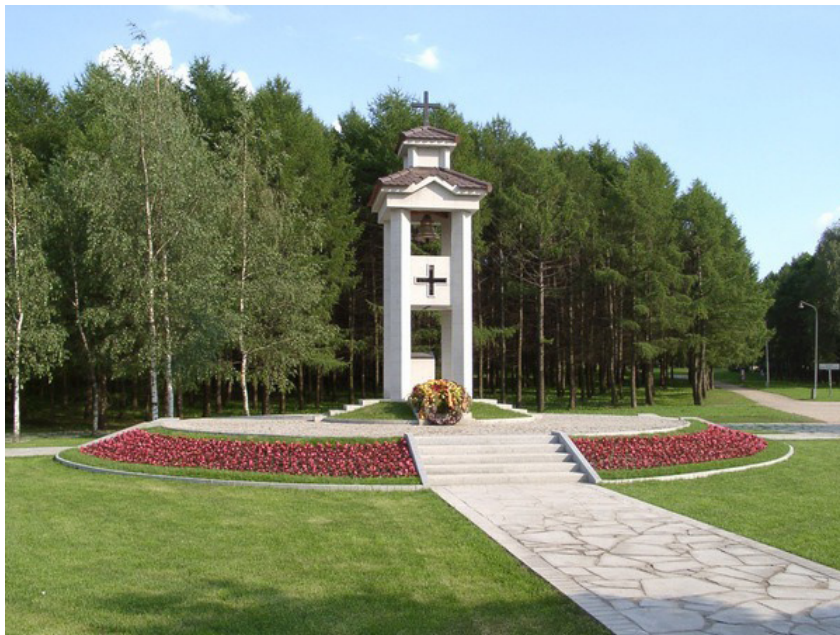
Los españoles que conocemos, siquiera someramente, aquellos hechos históricos, podemos comprender y sentir perfectamente esas lágrimas de dolor y alegría que cada 9 de mayo siente un ruso o un nacional de un país postsoviético en el Día de la Victoria. Y los que además hemos tenido la suerte de poder convivir y conocer en persona durante 14 años a muchos de aquellos niños de la guerra y sus testimonios vitales, pues no podemos por menos que sentirnos identificados y orgullos de ellos y reivindicamos el importante granito de arena español en esta Gran Victoria o, más que español, hispano-soviético, englobando en el término soviético tanto a los rusos como a todos los pueblos que hoy forman parte de distintos estados independientes y entonces eran compatriotas.

Los grandes medios y grupos de poder seguirán su efectiva labor de lapidación y ninguneo de la importancia de aquella Victoria, seguirán queriendo hacernos creer que la guerra se ganó gracias a los americanos y las potencias occidentales, con Normandía como gran símbolo hollywoodiense, y ocultando cómo las democracias europeas dejaron caer el Gobierno democrático de la II República española o que los americanos retrasaron a conciencia el segundo frente en la Segunda Guerra Mundial, dejando morir a millones de personas, para que la URSS se desgastara en su lucha con el ejército nazi y no decide poner toda la carne en el asador hasta que siente la amenaza de que la URSS siga avanzando hacia Occidente, seguirán impidiendo que nuestros niños conozcan en las escuelas a sus compatriotas españoles que liberaron a Europa del nazismo, es decir, seguirán ocultando las grandes gestas españolas

en la Gran Guerra Patria, continuarán surgiendo más estériles y absurdas polémicas como las antes reseñadas, pero el especial cordón umbilical que surgió entre nuestros pueblos ya nadie lo podrá cortar jamás y nos mantendrá unidos para siempre.

¡Gloria eterna a aquellos héroes que lo hicieron posible pagando el mayor precio imaginable: su felicidad y hasta su vida!

El «Cartel Rojo», una historia que habla a los hombres y mujeres de hoy

Antonio Segovia Ganivet

Granada, España

El 23 de febrero de 1944, veintidós jóvenes fueron fusilados por los nazis en Mont-Valérien, Francia. La única mujer del grupo, Olga Bancic, no le concedieron el derecho a morir con sus camaradas de combate: la llevaron a Alemania y la decapitaron en la prisión de Stuttgart.

Así terminó la heroica epopeya del grupo de la Resistencia contra los nazis «FTP-MOI» en la región de París, dirigida por el activista comunista y poeta armenio Missak Manouchian. Seis meses después, París sería liberado. Manouchian y sus camaradas, armados sobre todo con su coraje, habían erosionado la paciencia de los invasores nazis. Entre la primavera de 1942 y el otoño de 1943, en el momento de su arresto, llevaron a cabo varias docenas de acciones contra las fuerzas de ocupación (descarrilamiento de convoyes de la Wehrmacht, ataques a destacamentos militares, etc.). Su hazaña más rotunda fue la ejecución del general de la SS Julius Ritter, uno de los jerarcas nazis que era jefe del Servicio del Trabajo.

Considerados «terroristas» por las autoridades invasoras, unos doscientos policías franceses colaboracionistas habían organizado una cacería gigante contra unas pocas docenas de jóvenes combatientes de la resistencia (65 combatientes en París en 1943, estima el historiador Denis Peschanski) evocando y apelando con frases tales como que «extranjeros involucrados en la liberación de Francia hilados y luego arrestados por policías franceses que trabajan al servicio del ocupante».

Los nazis intentaron colocar a la población francesa en contra de los «terroristas» extranjeros y predominantemente judíos organizando una operación de propaganda gigantesca. Pegaron en las paredes carteles en el que aparecían las fotos y los nombres extranjeros de diez convictos: Grzywacz, Elek, Wasjbrot, Witchitz, Boczov, Fingerweig, Fontano, Alfonso, Manouchian, y este título explícito: «¿LIBERADORES? LIBERACIÓN por el ejército del crimen». El cartel tuvo un efecto considerable en los transeúntes, pero contrario al objetivo buscado por sus diseñadores. Tenían la intención de estigmatizar a los «terroristas», pero los parisinos descubrieron héroes, extrayendo una lección de coraje, una invitación a no inclinar más la cabeza. El cartel pasó a la historia como un himno a los Resistentes. Louis Aragon le dio palabras, once años después: en un poema que el periódico *L'Humanité* publicó en marzo de 1955, cuando la ciudad de París inauguró la rue du Groupe Manouchian en el distrito XX. Más tarde, en 1961, Léo Ferré le dio voz bajo el título “The Red Poster”. Era el “Affiche Rouge”. El republicano Celestino Alfonso era uno de los integrantes del “Cartel Rojo”.

Este homenaje a los luchadores del grupo manouchiano es una oportunidad para resaltar el papel de los inmigrantes en la resistencia francesa, ofreciendo un marco de solidaridad a

estos jóvenes y sus familias que habían abandonado su país, impulsados por la miseria social, la persecución antisemita y anticomunista. Vinieron de Polonia, Rumania, Hungría, Armenia, España e Italia huyendo del fascismo, y se enfrentaron contra la tiranía, entregando su vida por la Libertad.

La historia del “Cartel Rojo” habla a los hombres y mujeres de hoy. Setenta y seis años después, la xenofobia, todas las formas de racismo y anti-progresismo aún no se han rendido, por lo que debemos estar alerta y continuar combatiéndolas.

El exterminio de los triángulos rosas en la II Guerra Mundial

Christina Holgado-Sáez

Granada, España

Juanto al hecho, bien conocido, de que el genocidio nazi exterminó a millones de judíos, no resultan insignificantes los cientos de miles de homosexuales que fueron arrestados en virtud del párrafo 175 del código penal alemán. En los interrogatorios y, luego, en los campos de concentración fueron torturados hasta la muerte por el mero hecho de tener sentimientos homosexuales, además de considerarlos “infrahumanos” (*Untermenschen*). Hitler los tachaba de “epidemia nacional” en tanto en cuanto eludían el deber nacional de formar familias y provocaban la pérdida de descendencia que se necesitaba urgentemente debido a la merma sufrida en la I Guerra Mundial. La criminalización de la homosexualidad se convirtió en un imperativo ideológico bajo el nazismo, que la consideraba “antinatural” y cuyos protagonistas, los homosexuales, estaban eludiendo su deber patriótico al objeto de formar familias. El régimen sostenía que estas prácticas se estaban convirtiendo rápidamente en una “epidemia nacional” y, por ende, la pérdida de descendencia que se necesitaba urgentemente. Así comenzaba uno de los discursos de Himmler sobre la homosexualidad, celebrado el 18 de febrero de 1937:

Si admito que hay de uno a dos millones de homosexuales, esto significa que un 7 u 8% de los hombres son homosexuales. Y si la situación no cambia, significa que nuestro pueblo estará infectado por esta enfermedad contagiosa [...] A largo plazo, ningún pueblo podría resistir semejante perturbación de su vida y de su equilibrio sexual [...] La homosexualidad impide todo rendimiento, destruye todo sistema basado en el rendimiento. Y a eso se une el hecho de que un homosexual es un hombre radicalmente enfermo en el plano psíquico. [...] Nosotros hemos de comprender que si este vicio continúa extendiéndose en Alemania sin que lo combatamos, será el final de Alemania, el fin del mundo germánico.

Severamente procesados, torturados y abusados sexualmente se les conocía burlonamente como “triángulos rosas”, símbolo con el que se les identificaba en los campos de concentración; se colocaba de forma invertida y su tamaño superaba al resto de triángulos en el interior del campo. Cada colectivo y delito se resumía en un color, así el triángulo rojo identificaba a los presos políticos, el verde a los delincuentes habituales, el violeta a los testigos de Jehová, el marrón a los gitanos, el negro a los asociales y el triángulo azul a los emigrantes.

El párrafo 175 del Código Penal alemán fue endurecido y ampliado en su versión del 28 de julio de 1935. Su modificación incrementó el hostigamiento de los homosexuales, atendiendo a la extensión de “actividades indecentes criminales entre hombres” y estipulando severas condenas para los denominados “delincuentes”. El apartado 175a puntualizaba el internamiento en un centro penitenciario entre 1 y 10 años para casos extremos. Los artículos 174 y 176 recogían la “seducción”, considerada un acto homosexual, con menores de 14 hasta 20 años, así como con deficientes. No obstante, para un civil, el mero hecho de una

prueba o convicción de su homosexualidad conducía a su juicio y posterior internamiento en un campo de concentración; por ejemplo, un beso, una mirada, una carta, una fotografía, un gesto, un abrazo e incluso material de contenido homo-erótico.

En 1928 se estimaba en 1,5 el número de homosexuales; entre 1933 y 1945 la policía arrestó a unos 100.000 por infringir el parágrafo 175; 50.000 fueron sentenciados y la mayoría cumplió la sentencia en prisiones, aunque tampoco se incluyen aquellos hombres que fueron arrestados y enviados a los campos sin la celebración de un juicio. Sin embargo y siguiendo una directiva de la Gestapo del 4 de abril de 1938, entre 5.000 y 15.000 del total de las sentencias se cumplieron en los campos de concentración; 5.000 hombres perecieron en los campos de concentración. En relación a la población carcelaria, se les consideraba degenerados, tanto moral como socialmente. Nadie deseaba relacionarse con ellos por temor a ser tachados de homosexuales. Estos factores empeoraron sus condiciones en los campos, especialmente duras para los prisioneros detenidos bajo el parágrafo 175.

Aunque el número preciso se desconoce, aproximadamente 15.000 homosexuales de origen alemán y austriaco perecieron por su orientación sexual. Los civiles arrestados según el parágrafo 175 cumplieron sus condenas en centros penitenciarios, otros trabajaron duramente en campos de concentración, especialmente en las canteras. Médicos y científicos del régimen, con un sadismo deliberado, experimentaron con ellos mediante inyecciones de hormonas masculinas, vacunas experimentales y la castración para convertirlos en heterosexuales. Médicos y científicos fueron culpables por el ultraje manifiesto de las normas éticas, además de ocasionar daños sádicos sin ningún propósito científico a la vista. Ningún gobierno los reconoció como víctimas del nazismo hasta el siglo XXI, debido a que sus condenas se basaban en un delito tipificado penalmente y, en consecuencia, eran considerados criminales.

Austria despenalizó la homosexualidad en 1971, y Alemania en 1994.

Para más datos sobre esta temática ver: Jensen, E. N. (2002). The pink triangle and political consciousness: gays, lesbians, and the memory of Nazi persecution. *Journal of the History of Sexuality*, 1 (1 y 2), 319-349.

La mujer soviética en la Segunda Guerra Mundial a través del cine

Katia Ermolova

Sevilla, España

La Segunda Guerra Mundial llevó, en la mayoría de los casos, a los países beligerantes a movilizar todos sus recursos y población, independientemente del género y de la edad. La Unión Soviética no fue una excepción. Además, desde la revolución de octubre de 1917 el nuevo gobierno bolchevique había proclamado la igualdad de clase y género: la mujer soviética debía trabajar igual que el hombre, además de compatibilizar su trabajo con el papel de madre y esposa, y en estado de guerra debería ayudar a defender su país con lo que pudiese.

Según las últimas investigaciones, aproximadamente un millón de mujeres formaron parte del ejército soviético en la Segunda Guerra Mundial: 490,235 de ellas como personal militar y alrededor de 500 mil como personal civil (enfermeras, cocineras, telegrafistas, etcétera). Muchas de ellas jamás regresaron de la guerra, no se sabe el número exacto de las fallecidas porque no se llevaba registro separado de hombres y mujeres. Según los cálculos de pérdidas demográficas, las Fuerzas Armadas de URSS perdieron en la Segunda Guerra Mundial 8 668 400 personas; el número total de pérdidas, junto a la población civil, asciende a 26,6 millones³.

Ya durante la Primera Guerra Mundial (1914-1918) y de la Guerra Civil Rusa (1917-1923) la participación de mujeres fue notable, pues existían varios batallones compuestos únicamente por mujeres voluntarias. No obstante, durante la Segunda Guerra Mundial la participación femenina fue mayor, las mujeres se unieron a los ejércitos mixtos y, a su vez, formaron diferentes unidades militares femeninas. Aunque el servicio militar era obligatorio únicamente para los hombres, cuando estalló la guerra, el gobierno convocó a las mujeres con habilidades médicas y técnicas, estableciendo la Ley de Servicio Militar de 1939. Además, se adoptó una actitud neutral hacia las mujeres que se ofrecían para luchar en el frente voluntariamente⁴. El efecto de la propaganda patriótica era sensacional, todo el mundo quería defender su país, serle útil y apoyar a sus conciudadanos.

En octubre de 1941 una orden de Stalin, por petición de la aviadora Marina Raskova, dio permiso para formar tres regimientos de aviación femeninos: de caza, de bombardeo pesado y de bombardeo nocturno. En el regimiento de bombardeo nocturno número 46, también conocido como las *Brujas de Noche*, todos los puestos (desde comandanta, jefa de personal, secretarías, comisarías, pilotos y navegantes hasta mecánicas y técnicas armeras) fueron ocupados solo por mujeres jóvenes, con edades de entre los 17 y 22 años⁵. Ya después de la guerra varios cineastas y músicos se inspiraron en la historia de las *Brujas de Noche*:

³ Krivosheev, G. F. (2001). Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. *Estudio estadístico*. Moscú: Olma Press.

⁴ Altrichter, Helmut (Ed.). (1986). *Von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod. Dokumente*, Vol. 1, Munich, Germany: DTV.

⁵ Medvedev, V. (13 de abril de 2018). Женщина может всё. Независимое Военное Обозрение.

en 1981 se estrenó la película de Evgenia Zhigulenco (directora, actriz, guionista y excomandante del regimiento 46) *En el cielo las Brujas de Noche*; en 2014 el grupo de música power metal sueco *Sabaton* les dedica la canción de su séptimo álbum, *Heroes, Night Witches*.

En 2015, se estrenó la película ruso-ucraniana *La batalla por Sebastopol*, inspirada en la historia real de la francotiradora soviética Lyudmila Pavlichenko, conocida por haber liquidado a 309 enemigos alemanes durante el año que estuvo luchando en el frente. En 1942, Pavlichenko fue enviada a EEUU e Inglaterra como una heroína para consolidar la amistad de la URSS con sus aliados. Más tarde, la francotiradora publicó sus memorias. En la película se la presenta como una mujer que al perder sus seres queridos justifica los asesinatos que comete con la necesidad de defender a mujeres, niños y ancianos soviéticos, que mueren a manos de los nazis.

Como explica la investigadora de la Universidad de Cambridge en el libro *Mujeres soviéticas en combate. Una historia de violencia en el frente oriental*, al permitir a las mujeres combatir, la Unión Soviética estaba violando el Consenso de los Estados en guerra de admitir a mujeres únicamente para las funciones no combatientes⁶. Los reclutamientos de mujeres, promovidos por el Estado, permanecían ocultos al público, mientras tanto, entre 1942 y 1943, cuando el Ejército Rojo había sufrido pérdidas masculinas catastróficas, gran número de mujeres jóvenes ha sido movilizado con fines militares. Tras recibir formación paramilitar, ellas reforzaban regimientos mixtos o formaban parte de unidades exclusivamente femeninas: había una compañía de mujeres marinas, una brigada de rifles de voluntarias, un regimiento de rifles de repuesto para mujeres y una escuela central de francotiradoras.

La película soviética de 1972 *Los amaneceres son aquí más apacibles* comienza con una nota cómica mostrando la vida de un pelotón antiaéreo de composición masculina, cuyos superiores les acusan de dejadez y poca disciplina, pero todo cambia con la llegada de refuerzo: chicas jóvenes, recién salidas del curso preparativo. El comandante al principio se muestra escéptico respecto a la competencia de sus nuevas subordinadas y perplejo ante las particularidades de convivencia con militares femeninas, pero enseguida se da cuenta de que son perfectamente aptas, organizadas y muy entusiasmadas ante la idea de servir a la Patria. A lo largo de la película muchas de estas chicas se mueren, pero de forma heroica y se les reconoce el mérito de haber luchado con tanta valentía y haber aguantado todas las dificultades. El director Stanislav Rostotskiy, que había conocido en persona la vida en el frente, afirma que con esta película pretende homenajear a todas las mujeres que han vivido la guerra y, particularmente, a una compañera de batalla que le salvó de la muerte, cuando estaba herido, sacándolo de la primera línea de defensa.

En gran parte de las películas soviéticas sobre la guerra se explota la imagen de la mujer-madre y esposa, fiel y honrada. En 1943 se estrena *Dos soldados*, cuyo tema musical, se convierte en todo un himno a las mujeres de los combatientes y en una de las canciones más populares de todos los tiempos. La conmovedora letra de la canción *Noche oscura* y la interpretación del actor Mark Bernés no dejó a nadie indiferente.

⁶ Krylova, A. (2010). *Soviet Women in Combat. A History of Violence on the Eastern Front*. Cambridge: University of Cambridge / Cambridge University Press.

En 1984 la periodista bielorrusa Svetlana Aleksiévich (que más tarde, en 2015, fuera galardonada con el Premio Nobel de Literatura) publica el libro *La guerra no tiene rostro de mujer*: recopilación de entrevistas de mujeres testigos de la Gran Guerra Patria (frente oriental de la Segunda Guerra Mundial). Al mismo tiempo (entre 1981 y 1984), se graba la película homónima de siete capítulos, en la que las entrevistas se alternan con imágenes documentales de la época de la guerra. Las mujeres entrevistadas cuentan detalles de su vida cotidiana de aquellos tiempos, revelan sus recuerdos más impactantes y describen sus sentimientos a veces contradictorios, para ellas «la guerra es ante todo un asesinato y, además, un duro trabajo». Esta visión de la guerra fue considerada demasiado naturalista y contraria a la visión idealizada que se ofrece normalmente en la literatura. Las entrevistas se han hecho después de la guerra, por lo que en ellas se puede encontrar testimonios de las combatientes de su vida posterior a 1945. La vuelta a la normalidad para muchas fue dura, traumatizadas física y psicológicamente, muchas mujeres tenían dificultades para integrarse de nuevo en la sociedad civil.

El período soviético guardaba muchos secretos, muchos hechos se ocultaban y si algunos salían a la luz sin ser debidamente documentados, parecían meras especulaciones. En 2009 se estrenó la película *Una guerra* que cuenta la verdad oculta sobre las mujeres rusas que han tenido relaciones con soldados nazis y tuvieron hijos con ellos. Normalmente eran mujeres procedentes de territorios ocupados por alemanes, que entraban en este tipo de relaciones porque era la única forma de sobrevivir o mujeres que han sido violadas. La sociedad soviética las consideraba traidoras y rechazaba a sus hijos. Durante la guerra eran deportadas a los «pueblos de mujeres» en zonas inaccesibles y una vez acabada la guerra enviadas a los campos de concentración y trabajos forzados y sus hijos, a orfanatos.

La II Guerra Mundial fue el acontecimiento bélico más devastador de la historia, que se cobró muchísimas vidas y otras tantas las dejó destruidas. Muchas de estas vidas fueron de las mujeres: niñas, jóvenes, adultas, ancianas, que combatieron, que trabajaron, que vivieron aquella época con coraje, con fuerza, con amor, con dolor, con pena... A nosotros, a los que no lo hemos vivido, nos cuesta imaginar cómo fue y el cine es una forma de acercarnos a esa compleja realidad. Para muchos, la película más realista y más dura sobre la II Guerra Mundial es *Ven y mira* (1985) del director bielorruso Elem Klímov. Es de las que te ponen los pelos de punta y no te dejan dormir por la noche: la guerra vista a través de los ojos de un niño, que pierde a su madre y a sus hermanas... Nos recuerda que incluso el hombre más cruel había sido un bebé, que una mujer lo había gestado en su vientre, lo había llevado en sus brazos y lo amaba ardientemente con su corazón de madre...

Unos relatos alemanes sobre el nazismo: el caso de M. L. Kaschnitz

Santiago Martín Arnedo

Granada, España

La escritora alemana Marie Luise Kaschnitz (1901-1974), conocida sobre todo por sus relatos y su poesía y galardonada con numerosos premios, entre ellos el prestigioso Premio Georg-Büchner de Literatura (1955), vivió las dos guerras mundiales y fue testigo sensible de todos los acontecimientos que jalonaron el siglo XX.

En concreto, durante la época de la Segunda Guerra Mundial, sintió una profunda tensión entre lo que, en su opinión, hubiera sido deseable moralmente, como por ejemplo alistarse como voluntaria en un hospital de guerra, y lo que de hecho hacía, a saber: escribir poesía. Nunca se desentendió de las circunstancias socio-políticas, era bien consciente de ellas. Pero el miedo le impidió denunciar abiertamente las injusticias del sistema. Estaba muy preocupada por su familia y por sí misma. En este sentido, afirmaba “mis prójimos eran mis próximos en el sentido literal de la palabra”.

Sin embargo los relatos que escribió acerca de esta temática, aunque fueron escritos a posteriori, revelan su íntima postura antinazi. Son muy interesantes porque descubren la óptica de una escritora, que tuvo miedo y que al mismo tiempo se sabía cómplice de las atrocidades cometidas por el régimen nazi.

Christine (1960). En este relato, un hombre recuerda el asesinato de una criatura inocente en su jardín, una judía llamada Christine. Ha pasado el tiempo e intenta justificarse a los ojos de su mujer. Pero se da cuenta de que su actitud particular no se diferencia mucho del conjunto del movimiento fascista. No se puede justificar. Y en este sentido, el hombre siente una profunda envidia, que casi roza el odio, hacia las generaciones posteriores y más jóvenes, que no tienen que cargar con el peso de esa culpa.

La red roja (Das rote Netz) (1960). Este relato narra la acción valerosa de Marie Luise Hensel al tratar de ayudar a una familia judía a cruzar la frontera suiza. Finalmente la mujer es atrapada por los nazis, cae en su “red”. Su actitud quedó como testimonio de valentía.

Viento de marzo (Märzwind) (1952). Los habitantes de una población asisten a la ejecución de un reo judío. Sus sentimientos son encontrados, intentan autojustificarse por un lado, pero por otro no pueden eludir cierta sensación de culpa. Aunque ninguno deseaba lo ocurrido, no tienen otra salida más que afirmar la continuación de la vida. No puede detenerse la historia, la vida ha de seguir.

El desertor (Der Desserteur) (1952). El pasado irrumpe en el presente para crear inquietud tras el recuerdo de una relación prohibida, la atracción que sintieron un soldado alemán y una joven polaca.

Sin duda, el relato con temática nazi que destaca en la producción de esta escritora

es *Altramuces (Lupinen)* (1966). Es el único que está traducido al español⁷. En él se relata la suerte desigual que corrieron dos hermanas judías. Una de ellas, Fanny, está casada con un soldado alemán de la SA. Ambas habían ensayado un plan de huida en caso de que fueran deportadas en tren. De hecho, ese día llega, ambas suben al tren, y cuando se acerca la curva en la que habían planeado saltar, Fanny se queda paralizada por el miedo y no salta. La otra, Barbara, sí logra escapar y se vuelve al hogar. El soldado acoge a su cuñada, pero el clima es muy tenso y extraño. Uno sufre por la esposa perdida, otra por la hermana, Esto no evita la presencia de cierta tensión sexual y de culpabilidad. La historia se resuelve con el suicidio de Barbara.

⁷ Kaschnitz, M. L. *La sonámbula y más relatos inquietantes*. (2017). Traducc. de Santiago Martín Arnedo. Gijón: Hoja de Lata.

La II Guerra Mundial y Pompeya. Cuando lo eterno también desaparece

Macarena Bustamante-Álvarez

Granada, España

La ciudad de Pompeya, frente a la idea que hoy podemos tener de ella, fue un enclave que pasó prácticamente desapercibido en la Antigüedad. Aunque las facies más conocidas son las romano-altoimperiales, existen evidencias que hablan de un rico poblamiento prehistórico hasta la Edad del Hierro. La cercana ubicación a la costa, el curso fluvial próximo así como la riqueza de su suelo, hicieron que entre los siglos VIII-VI a.C. la colonización etrusca y griega pugnara por el control de un espacio de vital importancia geoestratégica. Sin embargo, el momento álgido comenzará a partir del 89 a.C. cuando adquirió la condición de Colonia romana, pasándose a llamar *Colonia Cornelia Veneria Pompeianorum*. A partir de aquí la ciudad de Pompeya pasó a formar parte de una ingente cantidad de ciudades que estaban en un segundo plano, sin apenas aparecer reflejada en la documentación de la época hasta que en el siglo XVIII, gracias a la labor de mecenazgo de Carlos III, se pusiera en marcha un plan de excavaciones en la zona.

Al acercarse a los hallazgos arqueológicos de la ciudad, actualmente depositados en el Museo Arqueológico de Nápoles o bien al pasear por las propias ruinas, uno percibe los momentos traumáticos de su final que le han convertido en el paradigma de los estudios arqueológicos de la Antigüedad. Un terremoto en el año 62 d.C. y, sobre todo, la erupción vesubiana del 79 d.C. hicieron que la ciudad quedara cristalizada como una *photo-finish*.

La intensa labor de excavaciones así como las minuciosas investigaciones que se llevaron a cabo desde el XVIII supusieron un florecer “científico” de una ciudad que había quedado sepultada bajo la lava. Sin embargo, a esos dos hitos traumáticos debemos unirle otro más, el bombardeo por parte de las tropas aliadas el 24 de agosto de 1943. Es evidente que los dos primeros hitos escapaban -al menos de momento- al control humano, sin embargo, el último terminó siendo un efecto colateral de una contienda que tampoco entendió de patrimonio arqueológico.

Los bombardeos se justificaron por el hecho de que allí estaba acantonado un destacamento de militares alemanes suponiendo un grave peligro para el desembarco de las fuerzas aliadas en Salento. Con el fin de aclarar dicha zona se produjo un rosario de actuaciones en lo que fue denominado como la *Operación Avalanche* que afectó al arco geográfico entre Nápoles y Salento.

La labor del arqueólogo jefe del yacimiento, Amedeo Maiuri, fue fundamental para realizar una primera aproximación al impacto de la contienda en este yacimiento arqueológico. Este autor pudo contar por centenas los daños irreparables contra un espacio patrimonial que era único. También quedó muy afectado el museo recientemente puesto en marcha suponiendo, de igual modo, pérdidas de algunos objetos arqueológicos previamente exhumados. Gran parte de estas piezas pasaron a la famosa abadía de Montecassino que, paradójicamente,

poco tiempo después también sufrió la misma suerte.

Es bien conocido cómo las premisas ideológicas del régimen de Mussolini habían tomado préstamos de tiempos ancestrales. La idea imperialista y expansiva del Imperio Romano fue una herramienta histórica usada y quizás “abusada” para la consecución de determinados fines políticos. Sin embargo, esta filia directa con la cultura antigua fue nefasta para su preservación para las generaciones futuras. Y quizás esa fue la misma explicación que se le puede dar al bombardeo aliado a uno de los grandes logros, en lo que a la labor arqueológica se refiere del estado italiano: la exhumación de los palacios-nave del emperador Calígula. Según cuenta las fuentes clásicas, este emperador tuvo a su disposición una serie de palacios flotantes en el lago Nemi. El interés de Mussolini por ellos hizo, incluso, disecar dicho lago para sacarlos a la luz y exponerlos en un museo. Esta obra “faraónica” tuvo como resultado el estudio de tres ejemplos extraordinarios de Arquitectura Naval imperial.

Sin embargo, el 31 de mayo de 1944, de nuevo, se volvió a repetir el episodio pompeyano con similar justificación e igual resultado. Las naves quedaron reducidas a ceniza.

Ejemplos de similar dimensión se repitieron a lo largo y ancho del mundo, sin entender de ideología ni calibrar sus consecuencias. Lo que hasta el momento había durado impasible al paso del tiempo terminó por sucumbir y desaparecer en escasos segundos.

La devastación patrimonial fue inmensa, hasta tal punto que tras el cese inmediato de las actuaciones militares, se reunió en Londres (noviembre 1945) la conferencia de Naciones Unidas con el fin de iniciar una política firme, unida y solidaria por el bien de la educación y la preservación patrimonial. Un año más tarde en 1946 se puso en funcionamiento uno de los puntos fundamentales acordados en dicha conferencia, la Organización de las Naciones Unidas para la Educación, la Ciencia y la Cultura (UNESCO).

Vista actual de Via degli Augustali, Pompeya
(© Proyecto Perfume/Casa d'Ariadna/SIAM/
IVACOR/CJB)

Para más datos sobre la problemática: García y García, L. (2006): Danni di guerra a Pompei. *Una dolorosa vicenda quasi dimenticata: con numerose notizie sul Museo pompeiano distrutto nel 1943*. Roma, 2006. ISBN: 9788882653699.

Los juicios de Núremberg: el nacimiento de la interpretación simultánea

Juan Luis Cobano Jiménez

Elena Vivas del Torno

Sevilla, España

La Segunda Guerra Mundial fue un conflicto militar global que tuvo lugar entre 1939 y 1945, en el que se vieron implicadas la mayor parte de las naciones del mundo, incluidas todas las grandes potencias. A su fin, en 1945, para poner fin a la barbarie humana de todo un periodo, se emprendieron un conjunto de procesos judiciales por iniciativa de los vencedores: los juicios de Núremberg.

Este fue un proceso internacional y políglota que duró casi un año, y que podría compararse con una conferencia internacional debido a la trascendencia mundial que tuvo. En este acontecimiento de gran magnitud, participaron representantes de las potencias vencedoras (Gran Bretaña, Estados Unidos, la Unión Soviética y Francia) y jueces y testigos de todo el mundo, para determinar la responsabilidad de los dirigentes nazis en los crímenes contra la humanidad. La lengua que se decidió utilizar fue el alemán, pero como los jueces y demás participantes eran de diferentes países y no tenían por qué hablar la misma lengua, para que fuese posible la comunicación entre todas las partes, era necesario un intermediario: el intérprete.

Aunque la interpretación es una profesión que podría remontarse al comienzo de la historia del propio lenguaje, la primera vez que se habla de intérpretes profesionales en la historia es tras la Primera Guerra Mundial, en la Conferencia de París. No obstante, es en los juicios de Núremberg donde nació la modalidad más conocida hoy: la interpretación simultánea.

Lo común era que los intérpretes hicieran su trabajo en la modalidad consecutiva, es decir, interpretando el mensaje después de que se produjera el original, y apoyándose en la toma de notas. De hecho, en los juicios con intérprete, aún a día de hoy se utiliza esta modalidad, para que la parte implicada que no conoce la lengua pueda comunicarse con las demás. No obstante, por la magnitud de los juicios de Núremberg, se decidió utilizar un servicio de interpretación en modalidad simultánea, es decir, interpretando el mensaje al mismo tiempo que se está produciendo, como forma de ahorrar tiempo y facilitar la comunicación entre los acusados, los testigos y el tribunal. En este tipo de interpretación, el intérprete trabaja desde una cabina insonorizada, en la que escucha el mensaje original por auriculares, y emite el mensaje en la lengua meta a través de un micrófono, para que los asistentes oigan la interpretación a su vez con sus respectivos auriculares.

La mayoría de los intérpretes no estaban preparados para ejercer esta modalidad, por lo que fueron entrenados para ello en la sala de un ático donde simulaban el proceso. Además, solo unos pocos superaron las pruebas, entre cuyos requisitos se encontraban: el dominio de

al menos dos lenguas, cultura general, poder trabajar bajo presión, tomar decisiones rápidamente... Los intérpretes fueron organizados en tres equipos de doce intérpretes, es decir, tres por cabina, y cada uno interpretaba de un idioma al de su cabina. Todos los días trabajaban dos equipos, uno estaba de relevo, pero el tercero tenía que asistir igualmente al juicio. Estados Unidos proporcionó una instalación técnica que constaba de seis micrófonos (uno por cada juez, uno para los testigos y otro para el orador). En la sala se podían escuchar cinco canales: uno que transmitía el sonido original y otros cuatro, que correspondían a cada uno de los idiomas.

Uno de los retos fue mantener la imparcialidad y neutralidad que se requieren en una interpretación, ya que muchos intérpretes se vieron en la obligación de interpretar a personas que posiblemente eran responsables de la muerte de miembros de su propia familia. Sin embargo, los profesionales consiguieron desempeñar su trabajo de manera eficiente, alegando que eran capaces de disociar los sentimientos del trabajo y que a veces, la concentración era tan grande que el contenido pasaba a un segundo plano. Los sentimientos que se desarrollaron en estos procesos no debieron de ser fáciles para los propios intérpretes, ya que todos los presentes eran conscientes de hasta dónde podían llegar los acusados.

La modalidad simultánea surgió de una necesidad social. Para muchos intérpretes, esto supuso solo una etapa de su vida, pero para otros fue el descubrimiento de una nueva profesión. El éxito de esta modalidad fue tal, que se empezó a utilizar más que la consecutiva y a popularizarse gracias a organizaciones como las Naciones Unidas. El equipo empleado era bastante rudimentario, un micrófono y unos auriculares, pero suficiente para el desempeño profesional del intérprete. Es por ello que a día de hoy, a pesar del avance tecnológico, este es el sistema por el que se sigue optando.

La segunda Guerra Mundial y el derecho humanitario. Puntos de inflexión

Marina Rojo Gallego-Burín
Granada, España

El *ius in bello*, Derecho Humanitario Bélico o Derecho Internacional Humanitario, se puede definir como: “un conjunto de normas que introducen restricciones en la conducta de la guerra, por razones de humanidad, para paliar los daños que produce el empleo extremo de violencia”⁸.

Los Convenios de Ginebra de 1864, 1906, 1929 y 1949, la Declaración de París de 1856 sobre la guerra marítima, la Declaración de San Petersburgo de 1868 relativa a la prohibición de determinados proyectiles en tiempos de guerra y las Conferencias de la Haya de 1899 y 1907, conforman el Derecho Internacional Humanitario. El cual, tiene como finalidad principal aminorar la severidad de los conflictos bélicos, pues se establecen disposiciones como la de prohibir los ataques indiscriminados, dar muerte a rehenes, proteger a los no combatientes, a la población civil o la no destrucción de la libertad del derrotado. Es decir, dicha normativa, en cuanto a su contenido, puede escindirse en dos partes, la que manda proteger a aquellos que no participen en la contienda (Derecho de Ginebra) y la que limita los medios de guerra (Derecho de La Haya).

Todo lo anterior se trata de normas concernientes a la conducta a seguir en la guerra y que constituían un conglomerado de normas “interdependientes y complementarias”⁹. Bien es cierto que estaba prevista una tercera Conferencia de la Haya para 1914, pero la Primera Guerra Mundial impidió que se celebrara. La Gran Guerra supuso una dura prueba para toda esta normativa que estaba comenzando a nacer, pues la contienda vio aparecer armas aniquiladoras, que los ejércitos emplearon despiadadamente y sin control. El número de víctimas aumento de una manera extraordinaria.

La única singularidad de esos años fue la aprobación de dos Convenios de Ginebra de 1929, con 47 Estados parte, revisar por tercera vez el convenio para la protección de los militares heridos y otro relativo a la situación de los prisioneros de guerra. A lo que hay que sumarle la aprobación de un protocolo adicional en 1925 de prohibición del uso de gases asfixiantes, tóxicos o similares durante la guerra.

Estos fueron los progresos que se produjeron estos años, el Derecho Internacional Humanitario no sufriría ningún avance más hasta 1945, después de otra gran catástrofe, la Segunda Guerra Mundial. El 12 de agosto de 1949, tras reunirse la Conferencia diplomática para revisar el Derecho Internacional Humanitario, fueron aprobados cuatro Convenios de

⁸ ORTEGA CARCELÉN, M., *Introducción al Derecho Global*, Ed. Sial, Madrid, 2011, p. 8.

⁹ BUGNION, F., Guerra justa, guerra de agresión y derecho internacional humanitario, *Revista Internacional de la Cruz Roja*, p. 3

Ginebra, que ratificarían 194 Estados, y que constituye el centro fundamental de nuestro actual Derecho Internacional Humanitario. Tras cuatro años de duras negociaciones, pues el mundo se encontraba escindido y los Estados se agruparon en coaliciones antagonistas, se lograron aprobar estos cuatro convenios, relativos a la protección de los heridos militares, de las víctimas de los ejércitos en la mar, a los prisioneros de guerra y a la protección de los civiles en tiempos de guerra.

Aunque a primera vista pueda parecer como una nueva revisión de los anteriores convenios y la inclusión de la protección civil, dichos acuerdos de 1949 incluyeron grandes novedades, tales como la disposición de inaplicación del principio de reciprocidad, por la que es indiferente que una de las partes en conflicto no cumpla con el convenio para que las otras legítimamente lo puedan incumplir a su vez. Estos convenios alcanzaron el objetivo que se fijaron, logra un punto intermedio entre la perspectiva militarista y la ayuda humanitaria, empero la gran parte de los autores considera que a la población se la situó en un lugar preeminentes¹⁰.

Adviértase que los Derechos Humanos y el Derecho Humanitario constituyen dos cuerpos normativos independientes. Pero ambas ramas del Derecho Internacional Público se aproximaron en 1968, cuando Naciones Unidas por primera vez se preocupó por el cumplimiento de los derechos humanos en los conflictos armados, en la Conferencia de Teherán.¹¹ A partir de ese momento la ONU había prohibido la guerra como modo en el que se relacionaran los Estados, no regulo el *ius ad bellum*, sino que continuó con la labor de protección que habían comenzado los Convenios de Ginebra.

¹⁰ REY-SCHYRR, C., “Los Convenios de Ginebra de 1949: un proceso decisivo (Segunda parte)”, en *Revista Internacional de la Cruz Roja*, 30 septiembre 1999.

¹¹ BILBAO TRECHA, L., “Derechos Humanos y conflictos armados”, en *Globalización y sistema internacional*, Ed. Icaria, Barcelona, 2000, p. 70.

